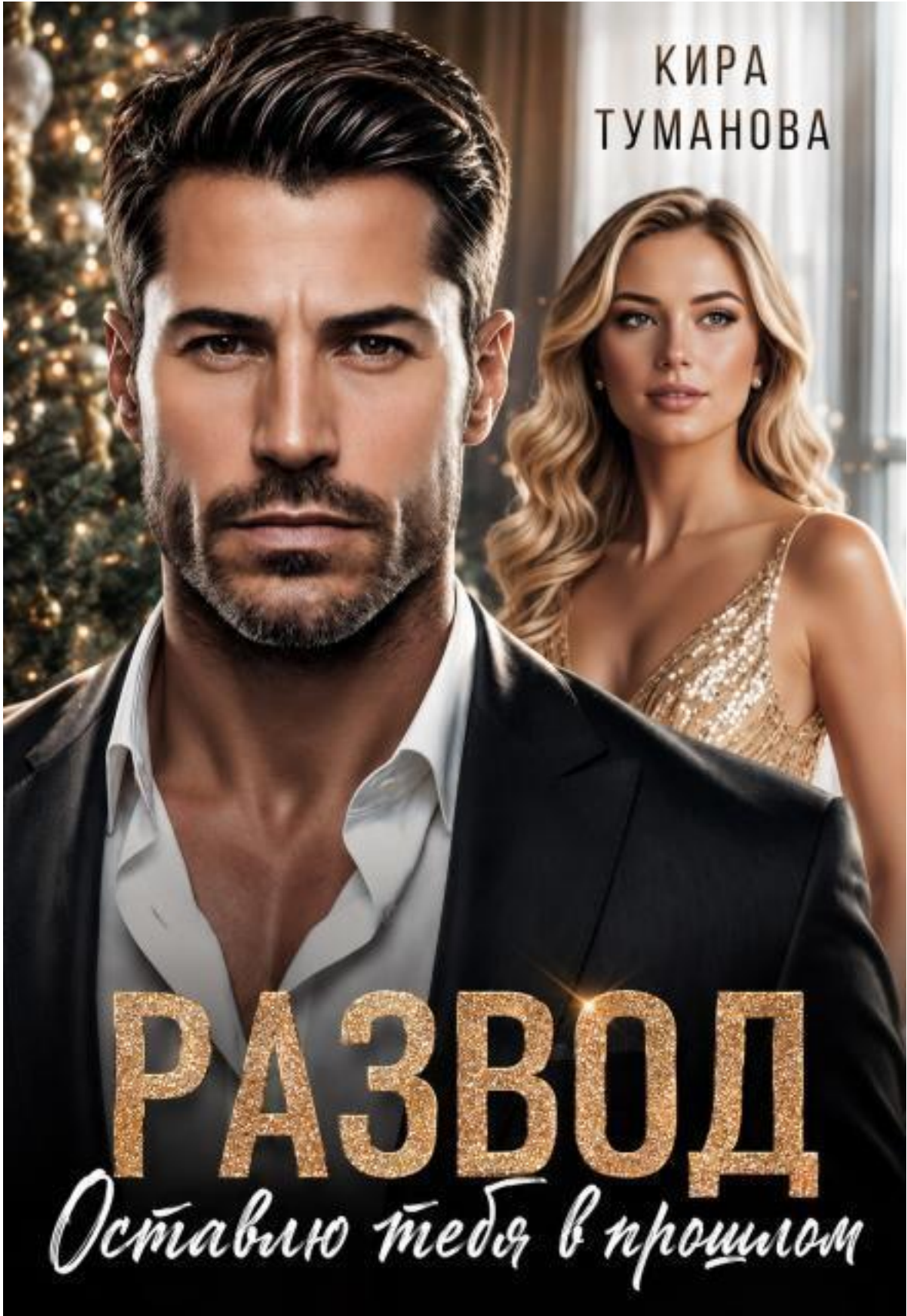

КИРА
ТУМАНОВА

РАЗВОД

Оставлю тебя в прошлом

Кира Туманова

Развод. Оставляю тебя в прошлом

«Литнет»

2025

Туманова К.

Развод. Оставлю тебя в прошлом / К. Туманова — «Литнет»,
2025

– Беременным шампанское внутрь желательно не употреблять. А вот наружно, почему бы и нет. Правда, Сонечка? Одним движением переворачиваю бокал над головой рядом сидящей подруги. Слышен сдавленный крик, она инстинктивно закрывает лицо и шампанское струйками стекает по её каштановым кудряшкам. – С Новым годом, дорогой, – обращаюсь к мужу мертвенно ровным, спокойным голосом. – С новым счастьем тебя! Ты получишь то, что заслужил. – Киваю на жалобно всхлипывающую Сонечку. – А я... Я подаю на развод! -----Мой брак рухнул, когда в канун Нового года я узнала, что лучшая подруга ждёт ребёнка от моего мужа. Под бой курантов я решила отправиться в новую жизнь без старого груза. Я забрала сына и вычеркнула болезненное прошлое навсегда. Только муж не собирается меня отпускать. История Алины из «Развод 40+. Сердце на осколки». Книга участник литмоба «(Не) развод под Новый год»;

© Туманова К., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

1. Пролог	5
2. Псу под хвост	7
3. Герои	10
4. Сила обстоятельств	11
5. Команда спасения	13
6. Ощущение праздника	15
7. На веранде	17
8. Незваная гостья	19
9. Снегурочка	21
10. Последний клапан	24
11. Полночь	26
12. По имени-отчеству	28
13. Не как у людей	30
14. Завтра	34
15. Через час	36
16. Наконец!	39
17. Пепелище	42
18. Не представляю!	45
19. Не кипятись	47
20. Шагу не сделаю!	49
21. Нарушение периметра	52
22. Торг	55
23. Про ответственность	58
24. Стойкий солдатик	61
25. Хочу видеть её глаза	64
26. Достало!	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

1. Пролог

Мой брак рухнул, когда в канун Нового года я узнала, что лучшая подруга ждёт ребёнка от моего мужа.

Под бой курантов я решила отправиться в новую жизнь без старого груза.

Я забрала сына и вычеркнула болезненное прошлое навсегда.

Только муж не собирается меня отпускать.

Я встаю и поднимаю бокал. Лёгкое шампанское искрится, играя с отсветом огоньков. Красиво и празднично. А внутри всё сжато в тугую колючий комок.

– Подожди, подожди, я телевизор прикручу! – Виталик щелкает пультом, заставляя утихнуть поздравительную речь. – Когда ещё Алинку послушаем?

Медленно обвожу взглядом присутствующих. Муж сидит по правую руку от меня. Его теплое, знакомое плечо совсем рядом.

С другой стороны от меня, притулилась Сонечка. Смотрит в пол, расправляя на коленях складки бордового платья. Милая и скромная, любо-дорого посмотреть!

Напротив — супружеская пара Виталик и Ленка, в двух похожих новогодних свитерах. Их светлые глаза с любопытством и легким замешательством впииваются в меня.

Обычно тосты произносит Клим, иногда Виталька. Мое внезапное желание взять слово заставляет всех притихнуть.

– В уходящем году... – Мой голос звучит подозрительно звонко в этой тишине. – Хочу поблагодарить друзей за то, что всегда были рядом.

Ленка с Виталиком одобрительно переглядываются, Ленка берет мужа под руку. Красные рукава их свитеров переплетаются.

Заставляю себя посмотреть на мужа.

Клим небрежно отбрасывает со лба темную прядь. И от этого знакомого жеста больно сжимается сердце.

Клим хорош, этого у него не отнять. Высокие скулы, четкая линия бровей, безупречная линия плеч под мягким свитером... Но я не вижу сейчас его спокойной мужской красоты. Я вижу только его ясные и спокойные глаза.

В них нет ни малейшей тени сожаления. Если бы я своими ушами не слышала всё, то в жизни бы не подумала, что человек с таким кристально чистым взглядом способен растоптать моё доверие.

– И хочу поблагодарить Клим. За поддержку. За то, что был моей опорой.

Муж чуть выпрямляется, уголок губ приподнимается в самоуверенной улыбке. Его пальцы нежно сжимают мою руку на мгновение. Кожа под его прикосновением будто холодеет.

Я вдыхаю. В воздухе витает запах ёлки, мандарин, жареного гуся и терпкие духи – те самые, что я подарила подруге на день рождения.

Отвожу взгляд от мужа, потому что боюсь, что не выдержу. Тресну бокалом об стол, и острой хрустальной ножкой проткну его черное лживое сердце. Пусть истекает кровью прямо здесь, за новогодним столом.

Набираю в грудь побольше воздуха. Мне тяжело, очень тяжело говорить сейчас. И никто даже представить не может, с каким скрипом выходят из меня эти слова.

– Спасибо тебе, милый, за самого лучшего в мире сына, – выдавливаю, уставившись на милого вязанного оленя на свитере Лены. И голос на миг срывается.

Прикрываю глаза, собираюсь с мыслями. В глазах немилосердно щиплет, и я боюсь, что разрыдаюсь прямо сейчас. Зажав переносицу, выдыхаю, чтобы не расплакаться и поднимаю на мужа взгляд.

За столом напряжённое молчание. Наверное, думают, что блестящие в глазах слезинки – это от того, что я слишком расчувствовалась.

Натянув на лицо милую улыбку, продолжаю.

– Я уверена, Клим, что в будущем году всё будет совсем по другому, и нас ждут большие изменения.

Я запинаюсь, бокал, который я сжимаю пальцами, звякает об обручальное кольцо.

– О господи, – Ленка обхватывает руками щёки, и вязаный олень на её груди съеживается, спрятав рожки. Жаль, что я не могу также легко избавиться от своих. – Алинка, неужели ты беременна!

– Тс... – шикает на неё серьёзный Виталий.

В глазах Клим напряжённое ожидание.

Он подается вперед и пальцами впивается в край скатерти, будто вот-вот встанет и перевернёт стол. Зрачки расширяются, скулы заостряются.

Чует, что-то не так.

– Нет, говорю я мягко, почти ласково. – Я не беременна. К счастью.

Намеренно выделяю это проклятое «к счастью», и оно опускается коротко и резко, как лезвие гильотины.

Ленка с Виталием в недоумении переглядываются, а я продолжаю:

– Беременным же шампанское нельзя. Внутрь желательно не употреблять. А вот наружно, почему бы и нет. Правда, Сонечка?

Одним движением переворачиваю бокал на голову рядом сидящей Сони. Слышен сдавленный крик, она инстинктивно закрывает лицо и шампанское струйками стекает по её каштановым кудряшкам.

– Алина! Ты с ума сошла?! – Лена вскакивает, стул противно скрежещет ножками. – Что ты делаешь?! Скоро Новый год!..

– А что я? – опускаю пустой бокал, звонко припечатываю его ножкой к столешнице. – Как встретишь, так и проведешь!

Звук на телевизоре приглушен, но я вижу, как лицо президента сменяется изображением курантов. Сейчас вся страна слушает это «бом...»

Сонечка всхлипывает, шампанское на её лице смешивается со слезами.

Секундная стрелка скользит по экрану.

За окном взрывается первая петарда – ослепительно-белая вспышка молнией освещает искаженное лицо мужа.

И вот уже грохочет, не умолкая. Непрерывный треск, свист, гул. Небо за окном разрывают огненные цветы салюта — кроваво-красные, ядовито-зеленые, обманчиво-золотые. Они мерцают в стеклянном потолке, в хрустальных бокалах, в луже шампанского на полу.

Я не смотрю на этот фейерверк. Я смотрю на Клим.

– С Новым годом, дорогой, — говорю я, перекрывая грохот. И мой голос снова спокоен, мертвенно-ровен. – С новым счастьем тебя, – подбородком киваю на рыдающую Сонечку, – Я подаю на развод!

Поворачиваюсь и иду в нашу комнату собирать вещи.

Ощуаю, как они взглядами сверлят мне спину. Дверь за мной закрывается, заглушая праздничный грохот и начисто отрезая меня от этой картины.

2. Псу под хвост

31 декабря. 12 часов дня

Алина

– Да, Соня, я приеду. Сейчас закончу с работой и начну собираться. Что? Хорошо, возьму салфетки... У меня есть с елочками, красивые.

– Алина Никитична, там собаку ещё одну привезли.

– Я перезвоню тебе, – сообщаю в трубку, которую прижимаю к уху плечом. Руки заняты, держу капельницу над котом. – Сегодня вал пациентов. 31 декабря хозяева решили всех питомцев угробить. Всё, целую... До встречи.

Взглядом показываю помощнице, чтобы она вытащила у меня смартфон.

– Вот чёрт, – с облегчением разминаю шею, пока помощница стоит, замерев с моим телефоном в руках. – Вызов отруби. Что там с собакой?

– Отравилась, кажется. – Она наконец сообщает, что телефон можно опустить в карман моего синего халата. – Рвота, жидкий стул, нос сухой...

– Сейчас разберёмся... Держи капельницу. – Отступаю на шаг в сторону. – Ещё пару минут постереги котика. Васька хороший, не царапается. Просто дёргается, катетер выскакивает.

С треском снимаю с рук перчатки и выбрасываю их в ведро с надписью «отходы класса А» и тут же опять поступает звонок.

Звучит мелодия Шакиры, и я, как всегда, улыбаюсь. Это наша с Климом песня, под нее мы впервые поцеловались.

Пять лет я в счастливом браке. Нашему сыну Олежке два года, а до сих пор между нами искрит, как в нашей песне.

– Да, любимый...

С телефоном в руке бегу в приёмник, где меня ждёт страдающая собака.

Наверное, одна из тех бедолаг, которая опустошила хозяйское мусорное ведро и съела кожуру от сосисок. А, может, добрые хозяева скормили любимой животинке все, что не влезло на праздничный стол.

– Алина, мне нужно тебе кое-что сказать, – начинает Клим, но его обрываю.

– Отлично, мне тоже...

Из-за вороха проблем, которые сыплются на меня в последний рабочий день года, не замечаю напряжения в голосе мужа.

Забегая в один из кабинетов, где мой коллега задумчиво водит пальцами по гребню игуаны, хватаю фонарик и тонометр с его стола.

Игуане он не нужен, а собаке понадобится.

– Прости, Антон, скоро верну, – извиняюще улыбаюсь. – В приемнике собака ждёт, а у меня в кабинете кот под капельницей.

Выскакиваю обратно и несусь к выходу. Сегодня у нас просто вал хвостатых, усатых и даже чешуйчатых пациентов.

– Климушка, прости, про капельницу – это не тебе, – несусь по длинному коридору. Манжета тонометра вылезает и хлопает меня по бедру, но остановиться, чтобы перехватить тонометр поудобнее некогда. – Тебе я хотела сказать, что Соня звонила. Она не успела салфетки купить. И ещё просила зелёный горошек и оливки. Положи, чтобы я не забыла. И ещё...

– Алина, послушай же! – неожиданно рывкает Клим. – Моя мама не придет.

– Как? – Опешив, резко останавливаюсь. – Как не приедет? Она же обещала... И билеты купила.

В трубке сердитое сопение.

– Вот так не приедет, – сердито сообщает Клим. – У неё планы изменились. Решила отметить Новый год с подругой. А что, есть проблемы? Нам можно отмечать, а ей нельзя?

Мне ужасно обидно из-за того, что Клим так грубо со мной разговаривает. Будто это я всё испортила.

– Клим, но она же сама предложила... – Я чуть не плачу. – Хотела Новый год отметить с внуком. мы же сняли коттедж, друзья соберутся. Она же сама...

– Алина, ты взрослый человек, должна понимать, что стопроцентно на неё полагаться нельзя было, – сообщает Клим с раздражающей рассудительностью. – Она пожилая женщина. У неё могли быть проблемы со здоровьем.

– Но у нее их не было, – вырывается сдавленное, – она просто передумала...

– Попроси свою маму, чтобы она Олежку забрала.

– Ты же знаешь, она не сможет. Они тоже уезжают, – шепчу, ощущая, как комок подкапывает к горлу.

Злиться на свекровь за то, что она вдруг передумала к нам ехать глупо.

Мне надо злиться на себя! За то, что зная мою драгоценную Августу Михайловну, я не подстраховалась. И Клим теперь на меня злится.

Надо было мне договориться с мамой, например. А сейчас, когда до Нового года осталось двенадцать часов, а до конца моей смены всего три, кого мне просить помочь?

– Алина Никитична, там у кобеля в приёмнике рвота... – мимо меня проносится наша практикантка Танечка с тазом и тряпками.

– Ага... – выдыхаю, судорожно соображая, что делать. – Сейчас иду.

Тут у меня проблемы похлеще, чем у кобеля.

Свекровь месяц назад торжественно объявила нам с Климом, что приедет на Новый год. И даже милостиво согласилась «отпустить» нас отметить праздник с друзьями за городом.

По словам свекрови, все эти поздние укладывания и нарушение режима вредят её здоровью и вызывают преждевременные морщины.

От шампанского у неё изжога, от оливье – отрыжка, на мандарины – аллергия. Она покормит Олежку и они лягут спать. А на следующий день мы уже днем, как положено, соберемся за праздничным столом.

Приедут мои родители. Ну, мама с отчимом и два брата. Просто большого Олега – маминого мужа, я, хотя и называю по имени, но воспринимаю, как отца.

Обычно, приезд родительницы моего любимого супруга вызывает у меня примерно такую же реакцию, как у бедного кобеля в приёмнике, но не в этот раз.

Воодушевленная тем, что в Новогоднюю ночь нам не придётся шёпотом петь новогоднее караоке, я тут же забронировала домик на базе отдыха. Организовала друзей, чтобы отметить с шумом, блеском, размахом и фейерверками, и теперь свекровь решила не приезжать!

Все мои планы псу под хвост!

– Алька, ну что ты молчишь? – выхожу из ступора, услышав слова мужа в трубке. – Может маме позвонишь, ещё не поздно?

В его голосе теперь неподдельная горечь и сочувствие. Видимо, чувствует себя виноватым за невольную грубость.

– Они ещё вчера уехали, ты же знаешь.

Я уже разрыдаться готова от безнадежности ситуации.

Автоматически перехватываю манжету тонометра и наматываю на нее длинный провод. Хотя сейчас мне очень хочется затянуть его на шее Августы Михайловны.

Ведь можно было заранее сказать! Зачем обещать, если не можешь исполнить?

– Прости, малыш. – сипит в трубку Клим. – Она так резко передумала...

Становится немного легче. Муж сейчас за свою маму извиняется, хотя сам ни при чём. Знаю, он тоже хотел, чтобы я поехала.

– Я придумаю что-нибудь, Климушка. Сейчас занята.

– Алинка, я Вяткиным позвоню. Попрошу их на своей машине поехать. Тогда сможем и Олежку взять.

Выдыхаю. Да, Клим всё правильно говорит. Ничего страшного ещё не случилось.

Вяткины, то есть семейная пара Лена и Виталик – наши друзья, машина у них есть.

И, хотя изначально планировалось, что всех повезет Клим, Виталька не переломится, если проведет за рулем пару часов. А Клим повезет меня, Соню и малыша.

Как-нибудь справимся.

3. Герои

Алина Волкова. 28 лет

Ветеринар по профессии.

Чуткая, открытая и общительная Алина с лёгкостью находит общий язык и с людьми, и с животными. Жизнь уже проверяла её на прочность, и она вышла из испытаний сильнее, сохранив душевное тепло и умение ценить простые радости.

Алина счастлива в браке, воспитывает сына Олега. Успешно совмещает материнство и работу. Мечтает о собственной благотворительной ветклинике.

Клим Волков, 32 года.

Основатель и генеральный директор компании «Вольфрам VetТех», создающей инновационное медицинское оборудование для ветеринарии.

Клим сдержанный и немногословный мужчина, не привыкший демонстрировать чувства напоказ.

Предпочитает действовать, а не говорить.

Пять лет Алина считала, что ей сказочно повезло с мужем. Она считала его надёжным другом и союзником, нежным отцом и верным супругом. Но, как вы понимаете, однажды, всё изменилось!

Алина - дочь главной героини из книги "Сердце на осколки" <https://litnet.com/shrt/-4qa>

Дорогие читатели, если вы знакомы с книгой "Сердце на осколки", то догадываетесь, откуда в Алине непреклонность и железная стойкость, которые кажутся неожиданными для такой молодой и хрупкой женщины.

Мне так запала в душу семья Алины, что я не могла не дать слово и самой Алине. Пора ей выйти из тени и шагнуть навстречу собственной судьбе. И шагнуть именно под бой курантов, когда даже скептики загадывают желания.

Пусть эта новогодняя история согреет вас, как глинтвейн, заставит поверить в любовь, и напомнит, что самые искренние чудеса случаются не с нами, а внутри нас.

"Сердце на осколки" и "Оставлю тебя в прошлом" можно читать отдельно, это независимые истории.

4. Сила обстоятельств

Взгляд скользит по полупустым магазинным полкам. Такое ощущение, что скупили товары не для того, чтобы отпраздновать Новый год, а чтобы его пережить.

Сонечка просила купить кукурузу или горошек?

Ничего не помню, голова уже кругом! Овчарки, коты, хомяки, нетрезвые хозяева, постоянные звонки...

Что за чокнутый день? Впрочем, так всегда бывает перед праздником.

После того, как ветлечебница всё-таки закрылась, коллеги ещё собрались, чтобы наскоро отметить наступающее «новогодье».

На том же столе, где пару часов назад осматривали игуану, организовали небольшой фуршет, разложили колбасную нарезку и разлили шампанское в одноразовые стаканчики. Но я, извинившись, убежала.

И так опаздываю! Няня там, наверное, с ума сходит. Ей тоже домой нужно, к семье. А она с Олежкой сидит.

...Итак, горошек или кукуруза?

Клим точно забудет. У него голова тоже забита под завязку.

Я хотя бы не руководитель, что сказали, то и делаю. А у мужа кроме собственных проблем, ещё пятьдесят сотрудников и куча партнёров. Всех нужно поздравить. Они ему сегодня, наверное, вычерпали, весь мозг десертной ложечкой. А ему ещё за руль!

Кажется, кукуруза... Нет, горошек!

Телефон вибрирует, прерывая мои жалкие муки выбора. Наверное, няня, взбешённая моим долгим отсутствием.

Суетливо хватаю обе банки идвигаюсь к кассам самообслуживания.

– Ой, Клим, это ты... – отвечаю мужу, и привычно зажимаю смартфон между плечом и щекой, чтобы освободить руки. – Я уже скоро буду дома.

– Малыш, ты только не переживай, – сообщает муж ласково, пока я подношу баночку к сканеру.

Внутри всё обрывается.

Всё самое ужасное в мире начинается после слов «Ты только не переживай».

Молнией проносятся мысли – к земле летит астероид, Клим попал под машину, что-то с Олежкой...

– О господи! – выдыхаю, и дыхание сбивается. – Не тyani, что случилось?

– У Вяткиных машина в ремонте, – полным трагизма голосом сообщает муж.

Сначала я не понимаю.

После всех нарисованных ужасных сцен сломанная машина Ленки и Виталика кажется мелочью. Даже облегчение накатывает на секунду.

– Ты только не переживай, Алинка... – снова повторяет муж. – Но мы не сможем поехать... Давай всё отменим?

Слушаю его, но не слышу. Автоматически подношу банку к сканеру второй раз, третий...

Клим что-то говорит мне, утешает. А я расстроено плачу этим долбанным сканером, наблюдая, как угрожающе растёт количество горошка на экране.

Я так рассчитывала на эту поездку.

Дело даже не только в том, что это впервые за много лет, когда мы встречаемся все вместе, старой компанией, без детей. Дело в простой ответственности.

Я сама это всё организовала.

Я всех собрала, уговорила, оплатила аренду и настроила на праздничный лад. Я – главный идеолог этого новогоднего побега.

И теперь, если не едем мы, то не едет никто! Потому что отвезти нас за город может только Клим!

– Не волнуйся, не так уж и плохо всё. Отметим, как всегда... – в моё сознание проникает голос мужа, – Если хочешь, давай всех к нам позовём?

Ну, конечно! Позовём друзей в новый дом, куда мы недавно переехали и где половина вещей ещё в коробках. К ребёнку, который спит чутко, как лесная косуля.

Замечательное решение. Друзья обрадуются.

Непрошенные слёзы, закипая, щиплют переносицу.

И ведь виновата по факту свекровь, но предательницей буду выглядеть я.

– Девушка, вам помочь?

Моё пиканье заинтересовывает молодого мужчину – высокого и тощего, с плохой кожей и в красной жилетке.

Он подходит, с жалостью смотрит на меня, будто я умственно отсталая.

Тяжело вздыхает:

– Один раз нужно проводить.

– Простите, – пячусь назад.

Парень прикладывает к терминалу потрёпанную карточку сотрудника, засунутую в целлофан, и я наблюдаю, как количество банок горошка на экране превращается в ноль.

– Алинка, согласишься, это лучший выход, – продолжает уговаривать меня Клим по телефону. – Иногда обстоятельства бывают непреодолимой силы...

– Вы неправильно всё делаете, – парень осторожно вырывает банку из моих сведённых пальцев и медленно подносит к сканеру. – Вот так нужно. Давайте вторую... Куда вы?

Я даже не пытаюсь отвечать. Просто разворачиваюсь и ухожу, оставляя банки сиротливо стоять на кассе.

Телефон всё ещё прижат к уху, а мозг пытается осознать происходящее.

В воздухе пахнет пережаренным сахаром и бытовой химией — до странного несовместимое сочетание, от которого хочется скорее выйти на свежий воздух.

– Клим, так нельзя, – наконец произношу. Голос у меня получается спокойный, почти деловой. – Давай ты поедешь один.

5. Команда спасения

Грустно смотрю на висящее на плечиках золотистое платье. На пряжке пояса живописно вспыхивают отражения новогодней гирлянды.

Ещё утром я представляла, как в нём под бой курантов улыбнусь Климу. Бедное платье – так ждало праздник, и не дождалось... Как и я.

– Мама пачет?

Олежка подходит и тычет в меня любимым зайцем. Уши зайца давно обтрепались, покрылись мягкими катышками.

Когда Олежка был совсем крошкой, он любил засыпать, уткнувшись лбом в плюшевый комочек, прикусив ухо беззубым ртом.

– Нет, солнышко. Всё хорошо.

Притягиваю к себе тёплое тельце своего малыша, и утыкаюсь в макушку, которая пахнет молоком и летом. А ещё чем-то неуловимо детским. Самый любимый запах на свете.

Олежка приваливается ко мне всем весом, доверчиво укладывает голову на грудь. Тихо сопит.

Так и замираем на диване, слившись в одно целое.

В углу, почти незаметная в тени, лежит белая картонная коробка с торчащим уголком упаковочной бумаги.

Наш свадебный хрусталь.

Когда Олежка уснёт, нужно будет его достать, аккуратно протереть и накрыть себе праздничный стол на одного. Не осталась бы дома, неизвестно, когда бы до бокалов дошли руки.

Сомнительный плюс, но я цепляюсь за всё, что хоть чуть-чуть тянет настроение вверх.

Клим уехал пятнадцать минут назад. Конечно, он очень расстроен. Даже уверял, что отвезёт продукты и друзей, а потом вернётся за нами. Но я знаю: когда он приедет, Олежка уже будет спать.

Да и жалко мужа гонять туда-обратно. Дорога неблизкая, а я сама на стену полезу от мысли, что Клим несётся по трассе, пытаюсь успеть. Поэтому мы расстались на точке неопределённости, я сама звонко чмокнула его в щёку, и сказала с весёлой улыбкой «как будет, так будет»

Не так уж всё и плохо. У меня есть шампанское, мороженое и торт «Прага».

Я никогда не отмечала Новый год в одиночестве, но многие люди вообще сегодня работают. Пожарные. Врачи... Я хотя бы в тепле, в спокойствии и с сыном.

Я даже чувствую себя немного спасительницей. Гордой и независимой женщиной, которая благородно спасла праздник друзей. Пусть ценой собственного одиночества, зато не чувствую себя виноватой.

Это – не поражение. Это – выбор, который я сделала сама.

Звонок в дверь, резкий и неожиданный, пронзает тишину, прерывая мои жалкие попытки самоутешения.

Я не расстаюсь с телефоном, зажав его в ладони. Хотя я и готовлюсь к худшему, но крохотная надежда на лучшее всё ещё жива.

Вдруг Вяткины сами доберутся... или смогут вызвать такси. Или Клим вернётся быстрее. Но гостей я не жду.

– Мам...

Олежка поднимает на меня круглые глаза, будто спрашивает: «Почему не открываешь?»

– Сейчас, солнышко...

Подцепляю пальцами пушистые тапочки и ныряю в них ступнёй. Поднимаюсь с неохотой, чувствую, как холодный воздух прихожей касается кожи.

Олежка семенит следом, шурша носками.

Робкий звонок превращается в уверенную, почти сердитую дробь — кто-то очень бойкий хочет меня поторопить.

Соседи пришли поздравить?

Или Клим заказал доставку цветов, чтобы мне не было одиноко. Мило, конечно... но ведь это не заменит его самого.

Распахиваю дверь — и тут же раздаются два синхронных вопля:

– Алька!

– Ба!

Мама влетает в прихожую, как вихрь, принося с собой морозную свежесть, запах лёгких духов и мандаринов.

Она бросается меня обнимать, а я стою, как замеревший столбиком суслик, не веря, что это правда. Лишь плечи вздрагивают от прикосновения её холодной дублёнки.

– Господи, девочка моя, – мама разводит мне руки в стороны, будто не верит, что я сижу здесь одна – без макияжа и в халате, и тут же поворачивается к Олежке. – Сейчас милый, я холодная. Там мороз такой, у...

Она смешно вытягивает губы трубочкой, показывая Олежке, какой там ужасный мороз. Олежка хохочет, и я вместе с ним.

За дверью громкий топот, кто-то отряхивает снег с ботинок, а потом в приоткрывшуюся дверь входит мой отчим. Большой, огромный и добрый, как Дед мороз.

– Насть, подождала бы немного, пока я машину парковал. Чего пешком неслась... – Он, ворча, помогает ей снять дубленку. – Привет Алька, здорово, мужик!

Маленький Олежка с радостным пискom прижимается к ноге деда. Тоже не может поверить, что ему такое счастье привалило.

– Я к внуку бежала, – мама стаскивает с шеи шарф и, наклонившись, рискует кончиком носа прикоснуться к пухлой щечке. – Здравствуй, мой хороший... Бабушка тебе подарки привезла...

– Мам... Олег... Вы как здесь? – я оглядываю их обоих, не понимая.

– Да так, – мама отмахивается. – Подумаешь, вернулись. Дался нам этот Новый год в компании... Правда, дорогой?

– Всё нормально, Алька, не переживай, – басит большой Олег. – Мы и не хотели особо на эту гору. Молодняк один. Повод появился сбежать. Вот и сбежали.

– Там коллеги Олега. Они придумали в полночь с фейерверками на лыжах скатиться с горы, – мама фыркает. – Ну их дурацкие забавы. Мы лучше вдвоём.

– Конечно вдвоём, – Олег берёт её в охапку и целует в висок. Мама поднимает голову, трогательно заглядывая ему в глаза.

У меня по сердцу разливается тепло.

Они – мой ориентир. Мой эталон нежности, бережности, уважения.

И когда строила свою семью, я училась у них — как любить, поддерживать, помогать и верить.

Мне кажется, у меня получилось. Наверное...

Потому что, как ни стараюсь не могу представить ситуацию, чтобы Олег оставил маму в новогоднюю ночь одну.

6. Ощущение праздника

– Вот, почти готово, – мама разжимает плойку, и на плечо мягко падает завитый локон.
– Ты и так у меня красотка, а сегодня будешь просто заглядение.

Она осторожно обхватывает ладонью горячую спираль локона, давая ей остыть.

Пока мама колдует над причёской, я, наклонившись к маленькому зеркальцу, аккуратно провожу кисточкой по ресницам. Руки чуть дрожат, я собираюсь второпях, почти на бегу.

– Мне там не перед кем особенно выпендриваться – все свои...

– Вот твои Вяткины, – ворчит мама, подхватывая новую прядь. – Могли бы и на такси поехать. Так подставить тебя...

– Мам, никто не виноват, кроме Августы Михайловны, – вздыхаю я, пальцем смахивая слегка осыпавшиеся с века тени. – Ну и меня. Обещали людям – значит, надо отвезти. У них же вещи, еда...

– Ох, ответственная ты у меня, – в зеркальце ловлю, как мама недовольно щурится.

– Не сердись. – улыбаюсь краешком губ. – Всё же хорошо. Может, Клим ещё и за мной приехал бы...

– Ну конечно, – в её голосе явный скепсис.

Мне не нужно поворачивать зеркало, чтобы понять, какое у неё сейчас лицо.

Я выдыхаю и прикусываю губу. Знаю – она в это не верит.

Мама никогда не лезла в наши с Климом отношения, хотя когда-то скупно высказалась по поводу моего брака. Ей казалось, что я слишком рано вышла замуж. И, как она пять лет назад мягко мне намекнула, дело не в возрасте, а то, что я пока слишком требовательна к жизни и к людям. А брак – это не про силу характера, а про умение иногда быть гибкой и слабой. И, как она тогда заметила, сглаживать острые углы я не умею.

К счастью, она ошибалась. У нас с Климом всё замечательно, и сейчас мне отчаянно хочется это доказать.

– Он бы всё равно приехал ко мне, – настойчиво повторяю. – Может, не сразу... но он бы меня не оставил одну.

Мама вздыхает, расправляя последнюю прядь, а я продолжаю – будто убеждаю не её, а себя:

– Он и сам не хотел. Я еле его уговорила...

– Ну вот видишь, – говорит мама примирительно. – Как хорошо всё получилось.

Она отходит на шаг и смотрит на мои подвитые кудряшки с лёгкой улыбкой.

И я не понимаю, что именно она сейчас имеет в виду – причёску или то, что они с отчимом приехали и буквально спасли меня от одиночества.

Бросаю взгляд на часы. Восемь вечера. Отлично. Успею.

Я уже предвкушаю, как удивится и обрадуется Клим. Как завизжат Соня и Лена, повиснут у меня на шее и расцелуют в обе щёки.

Мы с ними знакомы со школы. Когда Ленчик вышла замуж, а её серьёзный Виталька неожиданно легко сошёлся с Климом, мы стали дружить семьями.

Соня же всё ещё в поиске своего принца, как она говорит. Не хочет размениваться на мелочи, хотя вокруг неё всегда толпы ухажёров.

Леночка – полноватая брюнетка, уютная и мягкая. Соня – высокая, стройная шатенка с такой фигурой, что на неё оборачиваются.

Вместе мы почти как «ВИА Гра». И скоро будем в полном составе.

– Всё, мама, спасибо. – Встаю и запускаю пальцы локоны. – Красота!

– Беги уже, ворчит она. – Там машина под окнами. Такси, наверное.

Олежка крутится на кухне, около деда.

Я присаживаюсь перед ним, поправляю воротник пижамы, разглаживаю складку на плече – будто ищу повод задержаться ещё на пару секунд.

– Я скоро, – говорю тихо. – Ты тут слушайся бабушку и деда, ладно?

Он серьёзно кивает и тут же обнимает меня за шею.

Целую его в висок.

– Ты мой самый главный мужчина, – шепчу ему в ухо.

Большой Олег стоит рядом, с упаковкой салфеток в руке – накрывает на стол.

– Не переживай, Алька, – басит он, – пацан под присмотром.

Он подмигивает и легко треплет Олежку по макушке.

Я улыбаюсь, благодарно киваю и выхватываю салфетки у него из рук.

– Кстати... Сонечка просила прихватить. Там в ящике еще есть. Возьмете, да? А то я опаздываю.

Расцеловываю его в щеки и, бросив упаковку салфеток в сумочку, быстро натягиваю пальто, шарф цепляется за ворот – дёргаю нетерпеливо, почти нервно.

– С наступающим, – обнимаю на прощанье маму. – Спасибо вам.

– Беги уже, – шепчет она. – А то у таксиста нервы не железные.

Я выскакиваю за дверь, не оглядываясь.

Холодный воздух сразу бьёт в лицо, дыхание сбивается, сердце стучит быстрее. И даже недовольное лицо таксиста не может испортить мне настроение. Я улыбаюсь – так, будто впереди меня ждёт самый лучший вечер в году.

Уже сидя в машине достаю телефон. Задумчиво кручу его в руках и прячу обратно в сумочку. Не буду звонить Климу.

Хочу, чтобы он удивился. Представляю его лицо, быстрый взгляд, улыбку, когда он увидит меня.

Машина идёт ровно, дорога почти пустая. Фары вытягивают из темноты белые полосы снега, радио негромко бубнит что-то про уходящий год. В тёплом салоне меня ужасно клонит в сон.

Я сначала просто закрываю глаза, потом незаметно для себя проваливаюсь в дремоту.

– Девушка... – в мое обрывочное сновидение врывается голос водителя. – Приехали.

Я вздрагиваю, быстро моргаю, пытаюсь понять, где я. Пальто сползло с плеч, в окне – тёмная парковка, подсвеченная редкими фонарями. Расплачиваюсь, выхожу.

Холод сразу пробирает до костей – здесь он другой, жёстче, чем в городе. Под ногами хрустит утоптаный снег. Я делаю несколько шагов вперёд – и замираю.

На парковке стоит машина Вяткиных.

Серый минивэн с наклейкой на двери. Ошибиться невозможно.

Сердце неприятно ёкает.

Я ещё ничего не понимаю, но ощущение праздника вдруг трескается, как тонкое стекло.

7. На веранде

По расчищенной от снега тропинке иду к домику с острой двускатной крышей, виднеющемуся между тёмных деревьев.

Именно на него указала мне милая девушка-администратор.

Я не тороплюсь. Мне нужно успокоиться и подумать. Как бы я ни уговаривала себя, что мне померещилось, что это вовсе не машина Вяткиных... что, может, её пригнал сюда по какой-нибудь нелепой новогодней акции автослесарь в костюме Деда Мороза или случилось чудо...

В такие иррациональные вещи я не верю. А врываться разъярённой фурией, заряженной претензиями, я не хочу.

Медленно иду, вдыхая свежий воздух и любясь новогодним убранством загородной базы отдыха.

Не зря столько времени я потратила на выбор подходящего места для празднования. Каждый дом выглядит здесь так, будто в нём живёт счастье.

Коттеджи будто соревнуются с соседями – кто ярче мигает, кто наряднее горит. Гирлянды пульсируют, переливаются, спят глаза.

Из некоторых домиков доносится музыка, смех, звон бокалов. Где-то на верандах слышны разговоры, и кто-то затягивает праздничные песни.

Второпях я забыла шапку в такси, и теперь мороз безжалостно прихватывает меня за мочки. Длинные нарядные сережки не дружат с холодом также, как и тонкие капроновые колготки.

Подтягиваю шарф выше, чувствую, как колючая шерсть царапает подбородок, и ускоряю шаг. За деревьями вспархивает смех – целующаяся парочка поспешно отстраняется друг от друга, будто я поймала их за чем-то запретным. Они смеются, а мне вдруг становится отчаянно завидно.

И мы с Климом так могли целоваться сейчас. Только он где-то там, в домике номер двадцать пять, а я, замерзшая, бреду по тропинке. Бросив ребенка на внезапно свалившуюся бабушку.

Новогоднее настроение вокруг немного расслабляет, но тревогу не глушит. Она сидит под рёбрами, колется, не отпускает.

Поэтому к коттеджу номер двадцать пять я подхожу с замирающим сердцем. Оно колотится, будто хочет вырваться, а внутри бурлит странная смесь разных чувств: страх, радость, надежда, предчувствие беды.

Невидимая в темноте, разглядываю мерцающие гирлянды и прислушиваюсь.

За шторами ярко освещенных окон мелькают тени. Мне кажется, я различаю смех – Ленкин? Или Сонечкин?

На веранде тихо. Я уже представляю, как войду в дом, и увижу их опешившие лица. Главное, сдержаться и не сказать сразу с порога гадким Вяткиным всё, что я о них думаю...

На веранде вспыхивает красная точка. Кто-то невидимый курит, скрывшись в тени.

Я замираю и, стараясь не скрипеть снегом, крадусь ближе, прячась за деревьями.

Тяжело вздыхают деревянные половицы. Человек подходит к перилам, облакачивается и затягивается вонючим дымом.

В ярко-красном огоньке разгорающейся сигареты я узнаю Клима.

Не могу поверить своим глазам. Он же не курит!

Я видела сигарету у Клима в пальцах лишь раз – в день смерти его отца. И с тех пор для меня это знак чего-то страшного, тяжёлого и необратимого.

Уже хочу выйти из-за деревьев, подойти, спросить, что случилось. Но на веранду падает прямоугольник света из беззвучно приоткрывшейся двери

Из домика выходит Соня с курткой в руках.

– Милый, пойдём, замёрзнешь, – обеспокоенно и нежно воркует она, набрасывая на него верхнюю одежду. Светоотражающий лейбл на рукаве вспыхивает, ослепляя.

Я помню, как мы вместе выбирали ему эту куртку.

Отшатываюсь, будто меня со всей силы ударили по щеке.

От этого узнавания. От неподобающей фамильярности.

Милый– это Соня сказала моему мужу? Отцу моего ребёнка?

Непроизвольно жмурюсь и хватаюсь за мочки, будто мои замёрзшие уши меня подвели. Обычную дружескую заботу выдали за влюблённый шёпот. Наверное, у меня галлюцинации.

Клим молчит, делает ещё одну затяжку. Соня похлопывает его по плечу – привычно и нежно.

А мою душу вместе с внутренностями будто погружают в жидкий азот. Я смотрю на них и не могу ни крикнуть, ни сделать шаг.

– Клим, нужно сказать ей. Так нельзя...

– Я сам решу, когда говорить и что говорить, – рявкает мой муж.

Соня обиженно отступает.

– Клим, нашему ребёнку нужен отец.

Из замороженного небытия меня словно резко бросают в кипящую кастрюлю обиды с гневом.

Хочется зажать уши, с диким визгом броситься в лес, захлёбываясь слезами. И уткнуться лицом в сугроб, чтобы хоть как-то остудить этот жар.

Клим молчит, ничего не отвечает. А я снимаю перчатку и обхватываю рукой колючую лапу ели.

Ледяные шершавые иголки впиваются мне в ладонь, подтверждая, что я в реальности, а не в дурном страшном кошмаре.

Клим глухо чертыхается. Огонёк сигареты, пущенной его пальцами, описывает в воздухе красивый полукруг. Падающей звездой гаснет в сугробе.

– Задрала! – грубо выдыхает он и делает шаг в сторону. Куртка падает с его плеч, но он даже не пытается её поднять.

Соня молча подходит, поднимает её и вновь набрасывает на него.

Соня топчется рядом, не уходит, но и не пытается заговорить снова. Боится попасть под горячую руку или не знает, что сказать.

Щёлкает зажигалка, и Клим снова прикуривает.

Оранжевые блики вырезают его лицо из темноты, делают его почти нереальным и жутким. Я никогда не видела Клим таким. Будто в моего мужа вселился кто-то другой – опасный, чужой и незнакомый.

Он затягивается неглубоко и усмехается.

– Соня, иди. Я хочу побыть один, – произносит безжизненно. – Мне нужно подумать.

– Я тебя жду... – отвечает она грудным, незнакомым мне голосом.

Потоптавшись, она ещё раз трогает его за рукав и проскальзывает в дом.

Клим затягивается и выпускает колечки дыма в высокое звездное небо. Мне кажется, я чувствую запах табака с вишнёвым привкусом.

Скрытая пушистыми ветками ели, смотрю на когда-то дорогое мне лицо, освещаемое то разноцветными огнями веранды, то кровавой вспышкой сигареты.

Смотрю на своего мужа. От которого, как я только что узнала, ждёт ребёнка моя подруга.

Клим совсем рядом. В нескольких шагах.

Но он так далеко. Дальше, чем звёзды, до которых не долетает дым его сигареты.

8. Незванная гостья

Я не помню, сколько стою так, слушая гулкий стук крови в висках.

Если моему сердцу суждено лопнуть от услышанных новостей, пожалуйста, пусть это произойдёт прямо сейчас!

Не хочу, чтобы и дальше было так мучительно больно.

Клим уходит, громко топая перед порогом, чтобы стряхнуть с подошв налипший снег. Дверь распахивается всего на секунду, но этого хватает, чтобы меня обдало теплом, смехом, обрывками знакомых голосов.

Голосов моей жизни, в которую я вдруг больше не вписываюсь.

А я не могу двинуться с места. Меня словно оглушили битой, я ничего не чувствую и не понимаю. Не ощущаю, что снег насыпался в ботинки, что онемели пальцы и щёки горят от мороза.

Мой мозг, заботясь о том, чтобы я не сошла с ума, просто отключился и оборвал мыслительные процессы и эмоции.

И пока я стою ледяной статуей, перед моими глазами пробегает вся наша совместная жизнь, с ее радостями и печалью.

В своей женской гордости, я считала, что меня не коснутся грязные истории об изменах. Всё это происходит в других семьях, где нет любви, понимания. А у нас всё не так...

И вот теперь я стою нежданной гостьей на пороге организованного мной праздника, и пытаюсь понять, где просчиталась и когда.

В какой момент всё это начало жить двойной жизнью – без меня?

Я, должно быть, слишком долго стою неподвижно, потому что в какой-то момент с заснеженных ветвей на меня срывается целый сугроб.

Снег обрушивается на плечи, попадает за шиворот, путается в старательно подвитых мамой локонах. Я вздрагиваю всем телом, и неловко отряхиваюсь.

Смотрю, как снег тает на ладони, превращаясь в воду. Я тёплая и живая... И это странно.

Заставляю себя сделать шаг, ещё один. К домику номер двадцать пять.

Не буду вызывать такси, не сбегу. Не подарю Климу возможность переждать, сделать вид, что ничего не произошло. Я не устрою сцен, не буду кричать. Мне нужно другое.

После жестокой казни правдой я заслуживаю того, чтобы посмотреть им в глаза. Обоим. Больше я ничего не прошу.

Просто посмотреть им в глаза, потому что сил их убить у меня уже нет.

Почти падаю, хватаясь за перила. Последние шаги сдаются с трудом. Перед грядущей встречей ноги будто наливаются свинцом, и я заставляю себя передвигать их.

Напираю плечом на дверь, и вваливаюсь в светлое пространство, где тепло и светло. Где пахнет праздником.

...И где меня не ждут.

Привалившись к дверному косяку, продолжаю автоматически отряхивать воротник пальто.

– Алинка?

– Господи, она замёрзла совсем.

– Коньяка ей принеси...

– Как хорошо, что ты здесь...

– Мы уж и не ждали.

Лица кружатся вокруг, приближаются слишком близко. Все улыбаются. Все говорят слишком заботливо, слишком громко.

Протягиваю руку к Климу. И он подхватывает меня под локоть.

– Что же ты.. Я сказал, что приеду, – шепчет мне в ухо.

Обнимаю, слабо тяну носом воздух у его шеи. Сквозь терпкий древесный парфюм улавливаю тонкие и почти незаметные нотки сладкого цветочного аромата. В другой раз я бы не выхватила это нежное амбре.

Запах Сониных духов.

– Алька, как я рада, что ты смогла выбраться.

Из объятий Клим меня перехватывает Леночка Вяткина и прижимает к пышной груди.

Мягкая уютная Леночка, в мягких объятиях которой всегда находилось место для всех страдальцев этого мира. Леночка, которая явно была заодно с моим мужем и Соней.

Неловко отстранившись, затравленно озираюсь и выхватываю взглядом лопату, стоящую у двери. Большую, широкую... Для расчистки снега.

Вдруг пугающе ясно представляю, как опускаю эту лопату на головы двух предателей и черенком выбиваю зубы Вяткиным. А потом обломком черенка выцарапываю гадкие слова на их машине.

– Мы тебе дозвониться не могли, Виталька машину из ремонта забрал, представляешь?

– Радостно щебечет Леночка.

– Угу, – вырывается у меня.

Телефон был со мной всё время. Я это знаю. Но сейчас я уже не уверена ни в чём. Даже в собственной памяти.

– Девочки, дайте ей прийти в себя, — гремит Виталик и суёт мне в руку стопку. – Она замёрзла, видите же.

Я выпиваю, не морщась. Сейчас я бы проглотила что угодно. Даже если бы Виталик сцедил свой змеиный яд.

Горячий глоток медленно ползёт вниз по покрытым изморозью внутренностям. Если бы я замерзла, я бы уже улыбнулась и пошла вместе с девочками хлопотать над столом.

Но со мной всё хуже. Я выпотрошена и отравлена ненавистью.

Все они здесь, все до одного кажутся мне притворщиками и лицемерами. Чудовищами, способными на ложь и предательство.

Мир раскололся, и я больше никому не верю.

– Спасибо, Виталик, – сиплю глухо. – Я, и правда, замерзла. Печка в такси сломалась.

– А Олежка? – Обеспокоенно интересуется Клим.

Щурюсь, глядя на него.

Ага, в тебе отец проснулся? Какое тебе дело до моего сына? У тебя скоро еще один будет!

Слова жгут язык, рвутся наружу, но я удерживаю их.

– Мама и Олег приехали. Они с ним посидят, – отвечаю ровно.

Слишком ровно для женщины, у которой только что умерла прежняя жизнь.

9. Снегурочка

Меня временно оставляют в покое. Я сижу в кресле, укутанная, как детсадовец на морозе. До Нового года всего час, и хлопоты в самом разгаре.

Девочки переговариваются, выкладывают на тарелки нарезку, перекладывают её с места на место — будто от этого что-то изменится. Мужчины с серьёзным видом нанизывают шашлык.

Зачем шашлык сейчас?

Кто вообще собирается его есть?

Все происходящее выглядит глупым и нелепым.

Я смотрю, как они суетятся и на мгновение в голову закрадывается предательская мысль о том, что мне всё почудилось.

Не может Сонечка, моя верная и хорошая Сонечка, так со мной поступить. И друзья не могут... И Клим.

С нажимом провожу пальцем по брови, чтобы стереть ненужные мысли, как грязь.

Это просто защитная реакция. Мозг цепляется за любые оправдания. Лишь бы не думать о будущем, в котором я буду засыпать одна, в холодной постели.

А ведь я сама виновата. Открыто рассказывала Сонечке обо всём. Пела в уши о том, как мне сказочно повезло. Рассказывала о том, какой Клим щедрый, добрый. А ещё, кажется, о том, что он потрясающий любовник. Между девочками ведь можно так делать?

Влюблённая дурочка, сама провела незамужней подруге рекламную кампанию своего мужа.

Я слишком доверяла ей. Не думаю, что у меня были варианты отвести Клим от измен, но мы могли разойтись раньше. До того, как он потащил в постель мою подругу.

Сонечка ставит тарелки и неловко задевает солонку, которая летит на пол.

Звон стекла, и Ленка, как мне кажется, подозрительно бодрым голосом кричит:

— Ну все, это к счастью!

Хохлюсь, повыше натягивая плед. Да, к счастью. Не к моему, это точно.

Напряженно наблюдаю из своего укрытия за всеми. Ловлю малейшие нюансы эмоций.

Как у Сонечки вздрагивают ноздри, когда она обращается к Климу с какой-то просьбой.

Как Ленка переглядывается с Виталиком.

Как Клим демонстративно отворачивается, когда Соня, проходя мимо, задевает его локтем.

Спектакль. Красивый спектакль, который сейчас разыгрывается только для меня.

Наверное, утонув в своей паранойе, я выгляжу угрюмой и мрачной. И совсем не праздничной. Но мне сейчас не до исполнения каких-то ролей.

Клим подходит, садится рядом.

— Я так рад, что ты приехала, — голос у него низкий и тихий, но под ним я чувую кипящую тревогу.

— Так не хотел за мной возвращаться? — вымучиваю жалкую улыбку.

Он переводит на меня тяжелый взгляд, от которого я задерживаю дыхание. Между лопаток бежит холодок и ныряет к копчику.

Догадался, что я слышала их разговор?

— Нет, — отвечает и добавляет поспешно, — за тобой хоть на край света. Я переживал, что ты там одна...

Лицемер! Подлый и гадкий!

С враньем у Клима всегда было сложно. Обычно он скуп на слова, но как только из него начинает лезть пафос, нужно ждать подвоха.

– Было бы странно, если бы мы с тобой Новый год отметили не вместе, — не могу сдержать в себе горького ехидства. — Это как-то неправильно. Да?

Клим, не моргая, смотрит на меня и молчит.

– У Лены с Виталькой машина в порядке, — добавляю почти шёпотом. — Мог бы и нас с Олежкой взять...

– Нечего ребёнка мучить, — он отводит глаза. — Я же говорю, собирался вернуться. Не веришь мне? Можешь у ребят спросить!

Ну, конечно. У ребят, которые подтвердят всё, что ты скажешь.

Нервно отмахиваюсь и потираю лоб холодной и дрожащей ладонью.

— Ладно, проехали... Не будем портить друг другу праздник, правда?

Молчит, крепко стиснув зубы, и смотрит на меня. Его зовёт Виталик, и одарив меня на прощание подозрительным взглядом, Клим идёт к нему.

Интересно, до него еще не дошло, что он уже меня потерял?

Сонечка словно нарочно загружает себя мелочами, порхает из угла в угол, как фея, у которой слишком много обязанностей. Только один раз подходит — протягивает мне бутерброд с красной икрой.

Я смотрю на тарелку, и перевожу взгляд на её милое личико. У неё рука не дрожит, а в глазах — голубая безоблачность.

– Спасибо, Сонь, — вытаскиваю ладонь из складок пледа и беру бутерброд. — Ты, как всегда, заботаешься обо мне.

– Без тебя здесь было грустно... — она дарит мне безмятежную улыбку. — Я уж думала, весь праздник испорчен.

И в этот момент, когда я сижу с бутербродом в руке, внутри вдруг становится спокойно. Подозрительность перестаёт тянуть из меня жилы.

Раз вы испортили мне праздник — я не буду кричать.

Не буду плакать.

Не буду устраивать сцен.

Я просто сделаю так, что этот Новый год вы запомните.

– Кстати, у меня в сумке салфетки, — произношу дружелюбно. — Прости, горошек твой забыла...

Свободной рукой отбрасываю плед и встаю.

– О, Снегурочка наша отогрелась! — раздаётся радостный вопль Виталика. — Ну что, девчонки, давайте за стол?

Следующая прода планируется от Клима :)

Чтобы скрасить вам ожидание, принесла еще одну книгу литмоба "(Не)развод под Новый год"

Милана Лотос. "Развод. Я больше не твоя малышка"

<https://litnet.com/shrt/iPXQ>

Перед Новым годом
муж подарил мне
свободу от себя.

А я дарю ему вечное неведение.
Наш ребенок родится,
и у него не будет отца.
Такова цена, любимый.

18

10. Последний клапан

Клим

На какие-то спасительные минуты кажется, что мне всё померещилось. Что Алинка ничего не знает и ни о чём не догадывается.

Её отстранённость, холодность легко объяснимы. Замёрзла, перенервничала. И да, дуется на меня. Имеет право.

Из-за моей мамы она оказалась в такой ситуации. Наверное, как-то по-другому можно было решить. Но на тот момент казалось, что всё логично. Моя мама всё сорвала, значит мне и разруливать.

Мне сегодня настолько засрели мозг, что я даже думать не могу.

Кажется, ещё одна мысль — и в голове выбьет последний клапан. Тогда всё это сдерживаемое раздражение, усталость, вся новогодняя суета и накопившиеся проблемы рванут со свистом, похоронив всех под осколками.

Я даже обрадовался, когда Алина предложила простой вариант. Она не едет, я спокойно отвожу всех. Естественно, я вернулся бы к ней.

А не повез бы её друзей — тоже могла обидеться. Я ведь понимаю, она ответственная. Иногда слишком.

А так получалось как раз нормально. Возвращаюсь, Олежка уже спит, стол накрыт.

И мы с Алиной вдвоём, уютно обнявшись у телевизора, будем смотреть какую-нибудь дурацкую новогоднюю передачу. Мне в таком состоянии уже плевать, что смотреть. Лишь бы не трогали...

Меня от всей этой праздничной шумихи уже воротит! Не понимаю я этих плясок с бубнами. Я и на эту базу не хотел ехать.

Я просто тишины хочу. Покоя. И не думать ни о чём!

Соня весь день бомбардировала меня смсками, фантазировала, как мы ночью встретимся, как у неё всё продумано, как «никто не узнает».

Задолбала! Мне это не надо. Уже давно не надо. Я просто не знал, как из этого выкрутить, не устроив скандал.

Я ненавижу конфликты. Я, блин, вообще не знаю, как себя вести, когда женщины плачут, упрекают, жалуются. Чувствую себя козлом.

Хотя я и есть козёл.

Не удивлюсь, если это Соня Алине в уши нашептывала, как будет круто всем вместе отпраздновать.

Очень блин круто!

Искоса наблюдаю, как Алька помогает Лене расставлять тарелки. Тщательно ровняет салфетки по какому-то одному женщинам ведомому фэн-шую. На щеках румянец, о чём-то с Ленкой переговаривается.

Всё нормально, Клим! Выдыхай.

Точно померещилось...

— Климуська, там гирлянда мигает, посмотришь?

Голос Сони сейчас звучит для меня, как ногтем по пенопласту. Даже передёргивает. Как вообще могло случиться, что ещё недавно от её «Климуська» у меня вся кровь уходила вниз?

— Какая гирлянда? — угрюмо отвечаю, косясь на жену.

Нет, на нас не смотрит. Беседует, даже улыбается.

— Там, за дверью, — машет куда-то в коридор, — вдруг замыкание?

В голове у меня замыкание, а с гирляндой всё нормально.

Но, всматриваюсь в её хитрые глазки, и понимаю — лучше выйти. Я не знаю, чего от неё ждать.

С виду чистый ангелочек, но я до сих пор не понимаю, как она додумалась подогнать Вяткиным знакомого механика. Договорилась, он их тачку за час на колёса поставил. Сюрприз, блядь. Жест доброй воли. Чтобы поехать со мной без свидетелей и обрадовать новостью.

– Чего хотела? – прикрываю дверь. – Не из-за гирлянды ведь позвала.

– Климushка... – пытается обвить мою шею, но я сбрасываю её руки.

Она шмыгает носом, трёт его наманикюренными пальчиками.

– Ты такой мрачный, – робко начинает. – Если ты не можешь рассказать...

– Ты ничего не скажешь, поняла? – резко хватаю её за плечи, впираюсь пальцами в ключицы.

Внутри бурлит тяжёлое варево эмоций. Смотрю в милостивое личико в обрамлении густых каштановых волос и впервые вижу в нём хищную целеустремлённость.

– Ты не скажешь ни друзьям, ни моей жене, никому! Даже маме собственной, поняла?

Встряхиваю её для острастки.

– Я уже говорила, не буду делать аборт! – попискивает.

– С этим разберёмся позже. Сейчас молчи, ясно? Хотя слово услышу...

Сонька бледнеет, сжимается, втягивает голову в плечи. Потому что последняя фраза больше похожа на рычание — настолько низким и угрожающим становится мой голос.

Отпускаю её и отворачиваюсь к стене. Со злости бью кулаком в деревянную обшивку, раздаётся глухой удар.

– Клим, помощь нужна? – в дверь просовывается Виталик с рюмкой в руке.

– Нет, уже починили, – бурчу. – Одним ударом.

– На, выпей, пока наши девочки не видят. – Он протягивает мне стопку. – А Соня им не скажет, правда?

– Не скажет, да! – выразительно смотрю на неё.

Он подхихикивает. Я залпом выпиваю, пока Соня юркает под руку и скрывается в комнате.

Как же меня это всё задолбало!

Я ведь потому и не хотел этот праздник. Потому и людей избегал. Потому и Алину в последнее время старался никуда с подругами не отпускать. Боялся, что правда всплывёт.

Один раз оступишься — и всё. Одна лож тащит за собой другую, и так по нарастающей, пока не превратится в гигантский ком, который по тебе же и прокатывается.

– Так, я не поняла. Вы чего тут стоите? – Лена просовывает голову в приоткрытую дверь и косится на пустую стопку. – Пить, так уж за столом. Вас собрать сложнее, чем сюда вытащить.

У меня после напоминания об этом путешествии опять глаз дёргается.

Алина сидит за столом — красивая, нарядная.

– Ребята, ну чего вы разбегаетесь? – говорит с лёгким упрёком, и у меня на душе теплеет.

Точно ничего не знает. Понимаю, это глупо. Рано или поздно придётся отвечать. Но пожалуйста, не сейчас.

Хотя бы ещё один нормальный день!

11. Полночь

– Ребята, ну чего вы разбегаетесь? – произносит Алина.

Сажусь с ней рядом за стол и чувствую, как усиливается тревожное мельтешение внутри. Будто кто-то невидимый трясёт меня за грудную клетку.

Соня делает движение, чтобы занять место рядом со мной, но ловит мой взгляд и, потупившись, обходит стол, садясь по другую сторону от Алины. Никогда мы не оказывались так близко, все трое.

Никогда мы не оказывались так близко, все трое. Это уже не неловкость. Это какой-то внутренний апокалипсис. Грёбаная ловушка, которую я расставил себе сам.

Нахожу под столом руку жены и слабо её пожимаю, тестируя реальность на прочность. Алинка слабо пожимает мою ладонь в ответ и улыбается. Но почему-то на душе не теплеет.

Виталик предлагает выпить — за уходящий год, за новые высоты, достижения и прочую новогоднюю мишуру. Молча беру бокал левой рукой, а правую прижимаю к груди.

В ней уже не дыра, а бездонная брешь, и она меня засасывает.

По большой плазме на экране идут строки каких-то песен, Ленка фальшивя им подпевает. Судя по лицу Виталика, он молится о том, чтобы включили что-то менее травмирующее, типа «Иронии судьбы».

А Соня иногда выныривает из-под локтя Алины и лукаво мне улыбается.

Но пристальнее всего я слежу за Алинкой. Куда смотрит, что ест, о чем разговаривает. Отслеживаю смену эмоций на её лице, как барометр.

Когда её голова поворачивается в сторону Сони, у меня пробегает холодный мороз между лопаток.

Мне не страшно, мне тошно. В груди ноет тупо и тяжело, как перед ударом, который давно заслужил.

Я наступил в дерьмо, и теперь в грязных ботинках тащусь в Новый год. Я не хочу!

Всё внутри толкает к действию, пусть даже неправильному. А я сижу, улыбаюсь, слушаю тосты и злюсь на себя за то, что всё ещё жду. От этого ожидание становится почти физической болью.

И в тот самый момент, когда я решаю: всё!

Сейчас!

Отзову её, выведу на балкон, к морозному воздуху, к звёздам, скажу всё как есть — без оправданий, без жалости к себе, Соня встанет.

Одергивает красное платье, выпрямляется. И торжественно, звонко произносит короткий тост:

– За любовь!

Вяткины дружно воют и соприкасаются бокалами. Алина косится на меня и холодно чмокает в щеку.

Делаю глоток, не отрывая взгляд от застывшей в одиночестве Соньки. Она шуруется и приподнимает бокал, салютуя мне. А у меня опять всё внутри покрывается чёрной плесенью бессилия.

Под окнами взрываются первые фейерверки. Какие-то морозостойкие энтузиасты решают отметить новый год на природе. Караоке на экране сменяется поздравительной речью.

И Алинка встает. Глаза блестят, задорно встряхивает локонами.

Господи, какая она красивая!

Говорит про уходящий год, про друзей. Она редко произносит тосты, и я невольно ловлю длинные паузы между словами. Долго готовилась? Или волнуется?

– Хочу поблагодарить Климата...

Я автоматически выпрямляюсь и напряжённо улыбаюсь.

– За поддержку. За то, что был моей опорой.

Голос у неё на секунду ломается, и у меня внутри что-то резко обрывается.

– В будущем году всё будет совсем по-другому. Нас ждут большие изменения.

Я подаюсь вперёд, вцепляясь пальцами в край стола. Это не тост.

– Алинка... ты беременна? — выпаливает Ленка.

Я даже не моргаю. Смотрю только на жену. Если сейчас она скажет «да» — мир поедет совсем в другую сторону.

Да, мы хотели второго ребенка. Может быть, не сейчас... Но чёрт возьми, если это правда...

– Нет, — произносит Алина. — Я не беременна. — И добавляет холодно. — К счастью.

Я не успеваю ни отчаяться, ни обрадоваться этой новости. Дальше всё происходит слишком быстро, я не успеваю понять смысл слов. Только вижу, как бокал переворачивается, как Соня вскрикивает.

Скрежещут стулья, Лена вскакивает. А я остаюсь сидеть, будто меня прибили к месту.

Куранты на экране начинают отсчёт, за окном рвутся фейерверки — вспышки света накрывают комнату и тут же гаснут.

Алина смотрит прямо на меня.

— С Новым годом, дорогой. С новым счастьем тебя. Я подаю на развод.

Она убегает по лестнице, а я смотрю ей вслед не в силах сделать ни шага. Будто она уже перешла черту нового года, а я остался в старом.

Сонины пальцы впиваются в рукав, Ленка что-то орёт. Я не слушаю.

Отстранённо, как от назойливой мухи, отмахиваюсь от Сони. Шагаю вперёд, к лестнице. Сейчас важна только она. С остальным разберемся после.

12. По имени-отчеству

Алина

Спотыкаясь на ступеньках, несусь в нашу комнату. Туда Клим отнёс мою верхнюю одежду, шарф и сумку. А там телефон, чтобы вызвать такси.

Хлопаю дверями, в поисках комнаты, которую выделили для меня и Клим. Вихрем проношусь по второму этажу, заглядывая в уборную, небольшую кладовку с инвентарём. На секунду притормаживаю, заглянув в комнату с большой двуспальной кроватью.

Быстро оббегаю глазами помещение, и захлопываю дверь, увидев на столе надкусанный бутерброд. Фу...

Явно комната Вяткиных. Скрежещу зубами, от желания впихнуть этот полузасохший бутерброд в предательницу Леночку.

А вот эта комната, судя по спортивной сумке Клим, стоящей у двери, должна была стать нашей.

Быстро оглядываюсь. Небольшое окно, мерцающее гирляндами, маленькая ёлочка на столе. Да, мы могли бы с Климом хорошо отдохнуть.

Жаль, что не судьба...

Рванув двери шкафа купе, хватаю с вешалки своё пальто.

– Алина, стой!

За моей спиной Клим. Скулы заострились, глаза горят тёмным, лихорадочным огнём.

Сделав шаг по направлению ко мне, прикрывает дверь. Стоит, упрямо набычившись, чуть выпятив вперед подбородок.

Разворачиваюсь и воинственно скрещиваю на груди руки.

– Я не хочу, чтобы ты обращался ко мне по имени.

– А как мне к тебе обращаться?

– По имени отчеству, потому что с этой минуты мы – чужие люди, Клим Сергеевич.

Глядя в его тёмные глаза, медленно стягиваю с пальца обручальное кольцо и бросаю ему под ноги. Оно катится с мелодичным звяканьем, но Клим даже не смотрит. Не спускает с меня остекленевшего взгляда и сводит брови до крутого излома.

Он не из тех, кто упадёт на колени, чтобы покаяться со слезами на глазах. Лишь бьётся на виске венка гнева, а кулаки сжимаются и разжимаются, будто отсчитывают пульс.

– Алина, послушай меня... – мрачно начинает, но я не даю ему закончить.

– Что мне слушать? Я уже всё слышала. Или ты будешь сейчас отрицать, что твоя любовница от тебя беременна?

Клим молчит, пока я слушаю гулкие удары сердца где-то в горле. Одно дело, когда подслушиваешь, другое – когда он сам это произносит, глядя мне в глаза.

– Не буду.

Меня чуть ведёт в сторону под волной отчаяния, но быстро беру себя в руки. Подхватив пальто и сумку, иду к выходу.

– Тогда нам не о чем говорить, – цежу ему в лицо, проходя мимо.

Клим делает резкий взмах рукой, и я инстинктивно пригибаюсь. Я сейчас не в себе, но и он явно тоже. Не представляю, что он может меня ударить, но и измену с подружкой ещё пару часов назад я тоже не могла вообразить.

Но он лишь подхватывает моё пальто и механическим, лишённым всякой нежности движением набрасывает мне его на плечи.

Ухмыляюсь. Какой у меня чуткий муж, прямо прелесть! Сонечка не прогадала...

– Спасибо, я пошла. — берусь за ручку двери, но на мою ладонь тут же ложится его рука.

– Ты куда не пойдёшь, пока мы не поговорим.

– ... Алина Никитична, - возводя глаза к потолку добавляю я. – Не забывайте. И я не вижу смысла в этом разговоре. Ты хочешь извиниться, рассказать подробности или пожаловаться на то, какой у нас был ужасный брак и я сама виновата?

Клим молчит, устало вздыхая, а я продолжаю свой наезд. После долгих часов заторможенного молчания, мне теперь хочется высказаться.

Мне не хочется орать и закатывать истерику. Зачем это всё? Доставить радость рыдающей внизу Сонечке? Наверное, её позабавит моё бешенство.

Я хочу сделать ему больно. Не физически, а морально. Втоптать его в грязь также, как он втоптал меня.

Я ещё не знаю, какой мой поступок может довести его до белого каления.

Беременеть от Виталика я точно не собираюсь. Но пока не могу придумать что-то сопоставимое по разрушительной силе, но куда более изощрённое.

– Вы не хотите общаться на предложенные мной темы, Клим Сергеевич? – едко язвлю.
– Может быть желаете обсудить развод?

Всё, слово сказано. И невидимым барьером становится между нами.

Клим хмурится.

– Алина, всё можно решить. У нас сын, подумай о нём.

– Что? – Высоко поднимаю брови в изумлении. Мне и смешно, и горько одновременно. – У нас сын? А ты думал о нем, когда... – Машу на него рукой и пытаюсь протиснуться к двери.
– Да о чём нам говорить? Не о чем...

– Я отвезу тебя домой, мы поговорим в машине. – Он хватается за руку, и я резко выдёргиваю ладонь.

– Только попробуйте меня тронуть ещё раз, Клим Сергеевич, – шиплю, широко раздувая ноздри. – И клянусь вам, я отобью вам то место, откуда вышел ваш очередной ребенок!

Приглашаю вас в очередную историю нашего литмоба "(Не) развод под Новый год",

Наталья Ван "Развод. Я (не) буду твоей" <https://litnet.com/shrt/vFeH>

13. Не как у людей

Бегу вниз на первый этаж. Торопливо наматываю на шею шарф. Путаюсь в нём, и пытаюсь затянуть на шее потуже, будто от этого станет легче.

Ни секунды здесь не собираюсь задерживаться. Мне нужно выбраться.

Вызову такси. Это мне кажется, что жизнь рухнула, но кто-то же должен работать сегодня?

Внизу, там, где накрыт праздничный стол, уже не пахнет салатами и мандаринами. Там смердит предательством!

Соньки нет, наверное, рыдает в уборной. Прوماкивает крокодильи слёзы бумажным полотенцем и довольно подмигивает своему отражению. Мне даже жаль, что её нет!

Я бы не скандалила. Просто сказала бы, что она может забирать Клима со всеми потрохами.

Бледная Ленка, при виде меня вскакивает.

– Алина, стой... Куда ты?

Виталик, не поднимая взгляд от стола, громко ухает и вливает в себя стопку водки.

Не отвечаю. Не могу. Если открою рот — либо заору, либо разрыдаюсь. Выскакиваю на веранду, будто меня выталкивают из дома насильно.

Задираю голову, прикрываю глаза и жадно вдыхаю морозный воздух. Он режет лёгкие, но от этого становится чуть легче.

За спиной хлопает дверь. Я вздрагиваю и настороженно оборачиваюсь, ожидая погони Клима.

У порога переминается Ленка с моими ботинками в руках.

– Алька, ты...

С недоумением перевожу взгляд на свои ноги и слегка приподнимаю большие пальцы на ногах.

Точно, Ленка на меня натянула свои шерстяные носки. Переживала, что я замёрзну. Вот Идушка!

А ведь я сейчас в том состоянии, что могла и в носках по сугробам пробежаться.

Чуть покачнувшись, молча стягиваю коричневые колючие носки. Один, другой... Ступни обжигает и я зябко переступаю ногами по обледеневшим доскам, капроновые колготки – жалкая защита.

Ленка молча сопит, протягивает мне ботинки. Будто пытается загладить свою вину.

– Не беру чужого, - шиплю. – И не покрываю тех, кто это делает!

– Я не...

Свёрнутые загогулины носков швыряю в Ленку. Они ударяются в свитер с оленем, и падают ей под ноги.

Ленка замолкает и смотрит на меня подозрительно блестящими глазами. Нижняя губа слегка подрагивает.

– Не стой, замерзнешь, - бурчу, ныряя ногами в обувь.

Яростно дёргаю молнию. Не оглядываясь, иду вперед по дорожке. На какую-то секунду притормаживаю у ели, за которой пряталась во время судьбоносного разговора. ,

Ласково трогаю колючую ветку, отряхивая снег. Вот мой единственный друг здесь...

Набрасываю шарф на голову, и ускоряю шаг. Мне здесь больше нечего делать.

Около других домиков веселье и радостные крики. Иногда слышен хлопок фейерверков и над кронами расцветают искристые звезды, окрашивая снег в разные цвета.

– Вот козлы, спалят ещё что-нибудь, - ворчу, пытаюсь скорее уйти от массового веселья.

Сворачиваю на освещённую аллею и торопливо шагаю к корпусу администрации. Явно там кто-то есть. Попрошу погреться и посидеть, ожидая прибытия такси.

– Алина! – оглядываюсь на зычный голос Клима.

Он бежит ко мне и, остановившись на расстоянии метра, зло вздёргивает воротник дублёнки.

Ну конечно, кто бы сомневался, что он будет меня преследовать! Я смотрю на Клима и понимаю, что я его потеряла. Да, мы можем поговорить, он скажет, что он кобелина проклятый, а я могу с этим согласиться, однако...

– Алина, я просто тебя отвезу!

– Уйди, не подходи близко! – выставив перед собой ладонь, пячусь назад. – По Олежке потом всё решим. Не сейчас. – И добавляю подумав. – Клим Сергеевич...

– Куда ты одна сейчас? – Делает шаг по направлению ко мне. – Ночь и холод собачий!

– Плевать мне на холод, – лепечу, – я домой хочу.

– Это и мой дом тоже! – рычит.

Молчу, уставившись на него. Да, он прав. Это и его дом! Точнее, полностью его! Он его купил.

Обычному ветеринару не под силу приобрести хороший крепкий двухэтажный дом недалеко от города.

– Да... – пожимаю плечами, и сглатываю горький ком в горле. – Твой. Точно, я и забыла.

Я думала, что мы будем жить в этом доме вместе с Климом до самой старости. Что в этом доме будет расти Олежка, его братья и сестры, куда к нам с Климом, когда мы станем совсем старенькими, будут приезжать внуки и правнуки. А мы будем сидеть во главе длинного дубового стола и ворчать что-то вроде «а вот в наше время...»

Не будет у нас с Климом больше общих детей. Не будет совместной старости и дубового стола... И дома этого тоже не будет.

Я сама выбирала проект, ругалась с подрядчиками... За цвет обоев билась так, будто от них зависит моя жизнь.

Это всё зря!

И почему-то именно в этот момент мне становится так себя жаль, так жаль Олежку, свои старания, свои наивные мечты, что я со всхлипом оседаю на снег.

– Алина! – бросается он ко мне, пытаюсь поднять.

– Не прикасайся! – ору так, что мимо проходящая веселая компания шарахается в сторону. Наверное, я похожа на чокнутую пьяную дуру.

Мне плевать!

Поднимаюсь сама и, устыдившись своей секундной слабости, с яростью отряхиваю подол пальто от снега.

– Стой здесь! – направляю на него дрожащий указательный палец. – И ни шагу дальше!

– Просто отвезу...

– Как ты не понимаешь, – хриплю и прикрываю рот рукой. – Я не смогу с тобой рядом находиться. Меня просто... Меня просто вырвет!

Резко разворачиваюсь и шагаю вперед, подпернув на плече сумочку. Клим не догоняет меня, но чувствую, что стоит, гипнотизируя взглядом мою спину.

Около здания администрации дёргаю тяжёлую дверь, которая никак не хочет поддаваться.

Громко стучу, надеясь дозваться хотя бы охранника.

Тишина. Или отмечают или решают проблемы кого-то из постояльцев.

– Девушка, – за спиной запыхавшийся мужской голос.

Я оглядываюсь, готовая сейчас врезать по любому пьяному или веселому лицу.

И осекаюсь, увидев высокого мужчину, торопливо подбегающего ко мне. В руках держит что-то, я сначала думаю, что это рыжая шапка. Но, когда он подходит ближе – понимаю, что это коккер-спаниель.

– Девушка, вы не знаете, здесь есть врач?

– Не знаю, - сдуваю прядь, выбившуюся из-под платка. – Не могу внутрь попасть.

Собака поднимает морду, и поскуливая, пытается лизнуть хозяина в щеку. Из приоткрытой пасти вырываются облачки пара.

– Что-то случилось у вас? Петард испугалась?

Спаниель, резко взыв, вдруг утыкается хозяину под мышку и вворачивается туда головой, будто пытается прорыть туннель.

– Не знаю, - бормочет он. – Рвота у неё. И это... Что-то бежит из под неё.

Грудь ещё ноет, в горле стоит ком, а руки уже тянутся сами к золотистой спинке. Чужая боль оказывается сильнее моей. Провожу озябшими пальцами по тёплой шерсти и будто сама оттаиваю. Машинально ощупываю раздувшиеся бока.

Нет, моя боль не исчезает, просто становится второстепенной. Есть кто-то, кому сейчас хуже, и этого хватает, чтобы я собралась.

– В смысле бежит? – профессиональным тоном спрашиваю я. – Чем кормили? Серпантин могла съесть?

– Нет, Лесси ничего не ела... Вообще ничего.

– Вязка когда была у нее?

– Чего? – округляет глаза. – Какая вязка? Она девочка.

– Я понимаю, что девочка. К кобелю когда водили?

– Эм... Не водили.

Ласково поглаживаю Лесси. Сколько я их таких видела... Почему-то мужчины, обычно, таких бедолаг приносят.

– Убегала она у вас?

– Откуда вы знаете? – ошарашено смотрит.

– Я ветеринар, я многое знаю. Когда убегала?

– Месяца, - он шевелит губами, подсчитывая, – месяца два назад.

– Поправились, воды много пьет, подстилку скребет, малоподвижная...

– Да, да... – он охотно кивает.

– Вы пили сегодня? – строго спрашиваю и, поймав его недоумённый взгляд, поясняю. – Это не имеет отношения к самочувствию собаки. Алкоголь, имею в виду.

– Нет, я не пью, - отрицательно мотает головой.

– На машине?

Кивает, под очередное Лессино недовольное урчание.

– Тогда в город поедem. – Развернувшись, деловито иду к парковке.

У здания администрации тихо, и здесь слышно, как хрустит снег под подошвами мужчины, который торопится за мной.

– Девушка, подождите. Что с ней? Это серьёзно?

Разворачиваюсь так резко, что он чуть не врежется в меня.

– Беременна она у вас, рождает.

– О, господи!

Он с таким недоумением смотрит на свою любимицу, будто она предала его лично.

– Н-да, бывает так у сук, - бормочу. – Не ждешь, и хоп – вам подарочек на Новый год. Всё, не как у людей.

– Это точно...

– Ну так что, рожать будем или здесь продолжаем стоять?

Он сглатывает, мелко кивает и, уже обгоняя меня, несётся к машине. На ходу что-то говоря своей беспутной собаке. То ли ругает, то ли жалеет.

14. Завтра

В доме тихо, празднично, пахнет ёлкой и покоем.

Ещё раннее утро, все спят...

Прохожу на кухню, не разуваясь. У меня нет сил даже на это.

Упав на стул, провожу ладонью по зеркально-гладкой столешнице. Мама, конечно, постаралась – надраила до блеска.

Разматываю с шеи шарф и бросаю на спинку соседнего стула. С трудом привстав, заставляю себя вытащить руки из рукавов пальто и швыряю его туда же.

Раз уж встала – чтобы не тратить ни одного лишнего килоджоуля, – тащусь к холодильнику и, вяло осмотрев полки, достаю контейнер с оливье и начатую бутылку вина. С трудом заставляю себя дёрнуть ящик, чтобы вытащить вилку.

Со всем этим добром в руках, плюхаюсь обратно на стул и открываю контейнер. Меня обдаёт запахом салата и пластика.

Фу... Противно, есть совсем не хочется. Но что-то впихнуть в себя необходимо.

Отважно погружаю вилку в оливье и с усилием заставляю себя двигать челюстью. Меня передёргивает от отвращения. Не, так не пойдёт!

Плещу вино в пустую кружку и жадно делаю несколько глотков.

Хорошо... Вино холодное, а по пищеводу сразу разливается живительное тепло.

Слышно поскрипывание ступенек – из спальни на втором этаже, запахнув мой халат на груди, спускается мама

– Алина, – сонно моргает она. – Ты уже вернулась?

Тут же вспомнив, что вообще-то праздник, широко распахивает объятия и дружелюбно восклицает:

– С Новым годом, дочка. Как отметили?

Я никак не реагирую на её попытку поздравить меня и снова зло тыкаю вилкой в контейнер. Ненавижу оливье. Если бы не было так лениво, я бы курицу подогрела.

– Отлично отметили, – накладываю в рот очередную порцию отвратительного салата и, жуя, продолжаю. – У роженицы всё хорошо. Две девочки на маму похожи, рыжие. Мальчик слабый какой-то, ещё и чёрный...

Мама сглатывает и выразительно посматривает на бутылку вина.

– А где Клим? – решает не провоцировать мою «белую горячку» дополнительными вопросами о «роженице».

– Остался со своей сукой, – отодвигаю контейнер и откидываюсь на спинку стула. С тяжёлым вздохом произношу: – Всё, больше не могу... Мама, кинь в меня яблоком.

Мама выбирает яблоко из вазочки с таким подозрительным видом, будто они заминированы. Косится на меня с опаской.

Подходит и протягивает яблоко на ладони.

– Так что с Климом, я не поняла?

– С Климом Сергеевичем, – с хрустом надкусываю. Супер, то что надо! Противный вкус салата сразу отходит на второй план. – Он мне больше не муж. И прошу не упоминать в моём присутствии это имя всеу.

С тяжёлым вздохом мама оседает на соседний стул. Прямо на моё пальто.

– Поссорились, да?

– Он мне изменил, и сучка Соня беременна.

– Соня? – Мамина бровь ползёт вверх. – Этого не может быть!

Я почему-то злюсь на неё. Наверное, потому что ещё вчера сама была уверена, что такое может случиться только в другой реальности.

– А вот случилось, представляешь! Соня и Клим сейчас на базе, которую я для них забронировала, а я всю ночь принимала роды у спаниеля.

Я говорю слишком резко и громко. Наверное, подсознательно боюсь, что из меня сейчас начнут клещами тянут подробности столь неоднозначных и любопытных событий

Но мама хмурится и долго молчит, глядя в одну точку.

Наконец тихо произносит:

– Может, тебе чаю налить?

И столько в её тоне душевной теплоты и сочувствия, что на меня опять накатывает приступ острой жалости к себе.

Прикрыв глаза ладонью, сотрясаюсь в рыданиях. На мои плечи ложатся тёплые руки.

– Иди, дочка, поспи. Ты устала, – она поглаживает мне спину. Потом легко приподнимает и подталкивает, направляя. – Я тебе в комнату чай принесу, с ромашкой.

Я иду по лестнице, хлюпая носом. Я и правда устала и вымотана так, что не передать словами.

Вино, выпитое жадными глотками, да ещё на пустой желудок, даёт свои плоды. Мне становится пусто и всё равно.

«Я подумаю об этом завтра», – мысленно произношу лучшую фразу всех покинутых женщин, которые мечтают уснуть без мысленной жвачки.

С трудом стягиваю безнадежно испорченное платье, покрытое собачьими слюнями и кровью. Швыряю его в угол вместе с колготками.

В душ идти сил тоже нет.

«Подумаю завтра. И в душ – завтра», – говорю себе мысленно.

Падаю в кровать и засыпаю.

Кажется, приходит мама, осторожно ставит чашку чая на тумбочку и отводит у меня волосы со лба. Хочу сказать ей, что очень благодарна за то, что она сейчас ничего не спрашивает.

«Расскажу тоже завтра», – с этой мыслью проваливаюсь в глубокий сон.

15. Через час

Просыпаюсь я от голосов внизу. Перевернувшись на другой бок, готовлюсь снова провалиться в сладкую дремоту, но в грудь впивается заноза недавних воспоминаний, и я бессильно мычу от отчаяния, уткнувшись лицом в подушку.

Дайте мне какое-нибудь лекарство, стирающее память ластиком! Я бы согласилась на любую физическую боль – зубную, ломоту в костях, ожог, – лишь бы не это болезненное отупение, которое не приглушить ничем.

Снизу доносится мужское «бу-бу-бу», глухое и смазанное, а потом залихватистый детский смех. Сердце предательски замирает, а потом пускается вскачь. Но уже через секунду, я понимаю, как жестоко обманулась.

Это отчим играет с Олежкой. А мне-то на секунду подумалось, что Клим вернулся, чтобы молить о прощении.

– Вот паскуда, – рычу, до боли под ногтями терзая швы подушки.

Нет, мне не нужны его извинения, но то, что он не примчался за мной – больно ранит.

Мне хочется испытать нездоровое упоение тем, что Клим не отсиживается с предателями-друзьями на базе, а последовал за мной, потому что не хочет терять.

Но даже этого небольшого бонуса он меня лишил своим равнодушием.

Очень хочется повыть, свернувшись калачиком. Может быть тогда получится привыкнуть к мысли, что в моей жизни теперь всё по-другому.

Но я не одна дома, и я не могу валяться тряпочкой бесконечно. Здесь люди, которые ждут, что я выйду и скажу хоть что-то.

Снова раздаётся звонкий мамин голос, и я с неохотой открываю глаза. Буквально за шкуру заставляю себя подняться с кровати, чувствуя ужасное сопротивление внутри.

Рано или поздно придётся спуститься вниз. Смотреть в глаза маме и Олегу, улыбаться и желать им нового счастья в этом году.

Внутри все идет серой рябью от этой перспективы. Но мужественно заставляю себя сесть на кровати, спускаю ноги на пушистый коврик. Чем раньше я с ними поговорю, тем лучше.

Глажу босыми ступнями белоснежный мягкий ворс. Коврик совсем новый, буквально только из магазина. Не успел ни смяться, ни слежаться.

Нашу спальню я привела в относительный порядок до Нового года. И детскую, конечно.

Мама всегда говорила, что мужчине нужно создавать уголок, где ему будет тепло и спокойно. Что ж, я оказалась образцовой ученицей. Вложила у обустройство «уголков» для двух своих любимых мужчин всю душу.

Пусть в прихожей сложно пройти из-за баррикад разобранной мебели, но святую святых нашего дома – нашу с Климом комнату и уютное гнёздышко для Олежки – я обустроила.

– Лучше бы чугунную сковородку распаковала, дура, – шиплю на себя. – Пригодилась бы, как железобетонный аргумент.

Долго роюсь в шкафу и не сразу вспоминаю, что в моём халате сейчас щеголяет мама.

Влезаю в первую попавшуюся футболку и шорты, и недовольно пялюсь в зеркало на своё бледное лицо и красные глаза. Оттягивая момент встречи с родными, беру в руки телефон и нехотя рассматриваю непринятые от Клим.

Да, он звонил ночью. Я это помню.

Как ни странно, мне удалось легко проигнорировать его звонки, и недрогнувшей рукой внести в чёрный список.

Так вовремя попавшаяся мне Лесси позволила немного отодвинуть встречу с осознанием всего произошедшего.

Когда я двигаюсь, делаю что-то, оказывается, вакуум внутри наполняется. Пусть ненадолго, пусть обманом – но наполняется. Стоит остановиться, вот, как сейчас, и внутри снова поселяется ледяная пустота, такая, что хочется сесть на пол и раскачиваться.

Может и к лучшему, что придётся выйти. Мне сейчас нужно занять себя чем-то – готовкой, уборкой, играми с Олежкой. Чем угодно. Не каждый же день мне будут попадаться рожаящие спаниэли...

Пока я мучительно соображаю, стоит ли разблокировать Клима и готова ли я уже к решающему разговору, как телефон у меня в руках взрывается мелодичной трелью, не давая мне времени на раздумья.

На экране высвечивается номер Ленки. Но почему-то я всё еще лелею надежду, что Клим будет искать возможность повиниться. Что стоит мужу-козлу позвонить с телефона подружки-предательницы? Абсолютно ничего!

Решительно выдыхаю. Если Клим хочет расставить все точки над «и» прямо сейчас, что ж... Я, может и не готова, но очень не в духе. Ему же хуже!

– Что ещё? – рываю в трубку. – Нам не о чем говорить!

В трубке тяжёлое сопение, а потом тихий плач, который рвёт все шаблоны в моей голове. Это точно не Клим.

– Лен, ты что ли? – с недоумением спрашиваю. – Я думала...

– Аля, прости-и-и... – воет она, захлёбываясь слезами. – Как же так, я не понимаю...

Лена из нас самая чувствительная и отзывчивая. Для каждого найдёт доброе слово и утешит, расстраивается за других больше, чем за себя. Отказывать не умеет, если однажды соберет деньги, которые ей должны все вокруг, то, наверное, сможет безбедно жить еще полгода. А ведь доход с Виталиком у них не такой уж и внушительный.

Я знаю, как для неё много значит наша дружба, и сердце царапает чувство вины. Если она так переживает, то, может быть...

– Лена, ты мне только одно скажи, – с придыханием спрашиваю. – Ты знала, да?

– Нет, конечно, Алина... Хотя все на виду было ведь. Просто верила, как... – она снова хлюпает носом, – как дура наивная. И Сонька ведь говорила, что у нее новый мужик...

Я молчу. Потому что хоть частично бетонная плита сдвинулась с моих плеч. Если Ленка не знала, и это правда, значит, у меня осталась хоть одна подруга. Да и что греха таить, я тоже была наивной душой.

Я должна была заметить, что Соня слишком внимательно интересовалась нашими с Климом отношениями. Что в последнее время отдалилась от меня и стала тянуться к Ленке, про её нового мужика, например, я и не знала.

Да и Клим в последнее время серый ходил, говорил, что проблемы на работе и тщательно избегал пересечений с моими подругами.

– Скажи, что вы с Климом помирились, – вдруг лепечет Ленка сквозь слёзы. – Ну, пожа-а-алуйста... А эту гадину Соньку я не прощу! Хорошо, что она ушла утром, – добавляет сердито.

– Помирились? С Климом? – я усмехаюсь, и звук получается сухим и колким – С чего бы? И интересуюсь с деланным равнодушием. – А Сонька с Климом ушла или одна?

– Не поняла... – Ленка мнётся секунду. – А он что, не дома?

Я даже не сразу понимаю, что она говорит.

– Кто – он? – переспрашиваю машинально, уже зная ответ.

– Клим, – говорит Лена. – Он вскоре после тебя уехал. На Соню орал, но я с Виталиком возилась, и мне не до них было.

Я медленно сажусь на кровати. Сердце делает какой-то неровный удар, будто спотыкается.

– Нет... – выдыхаю. – Не у меня.

На том конце повисает пауза.

– Странно... – осторожно тянет Лена.

– Давно он уехал? – спрашиваю я, и собственный голос кажется мне чужим.

– Не знаю... Через час после тебя, наверное. Через полтора, может быть.

Сглотнув, поднимаю взгляд на часы. Клим должен был вернуться давным-давно, возможно, даже раньше меня, занятой с собакой.

У меня внутри что-то обрывается.

Я вскакиваю с кровати так резко, что темнеет в глазах. В голове вспыхивают красочные картины из сводки дорожных происшествий.

К этому я не была готова. Совсем.

Одно дело – злиться, ненавидеть, мысленно убивать его сотню раз.

И совсем другое – вдруг понять, что ты уже ничего не контролируешь.

Одно дело – расправиться самой.

И совсем другое – доверить расправу гололедице.

16. Наконец!

Клим

– Сто-о-ой! – мама взвизгивает так пронзительно, что я от испуга резко жму на тормоз.
– Там магазин!

В сердцах бью по рулю.

– Не ори, когда я за рулём! – рычу, – сколько раз говорить!

Под бешеный вой клаксона меня обгоняет серебристый седан. Водитель, наклонившись так, чтоб я его видел, выразительно крутит у виска пальцем.

Под очередной мамин протестующий визг в психах выскакиваю, бросив дверь открытой и ору ему вслед.

– Охренел, совсем, урод?

Седан притормаживает через десяток метров. Оттуда выходит набычившийся мужик. Идёт ко мне, сверля взглядом.

Кулаки сжимаются, пригибаю голову, готовясь к драке.

– Какого хрена сигналишь? – делаю в его сторону вопросительный кивок.

– Какого хрена повреди дороги встал? – хамовато парирует тот и смачно сплевывает в сторону.

Меня передёргивает.

– Не твое дело! Езжай, пока цел.

На самом деле я отчаянно жду, что он подойдёт, и врежет мне. Отмудохает так, чтобы я мог думать только о переломах и травмах. Пусть разобьет мне голову о стену, размажет ее в лепешку, раз толку от нее никакого нет. Такой может!

Мужик подходит вплотную, смеряет меня презрительным взглядом. Он крепкий, ниже меня, но плотно сбит. На голове – новогодний колпак, и этот праздничный атрибут резко контрастирует с его злым лицом, вздёрнутым носом и глубоко посаженными глазками.

– Ты мне не указывай, что делать. Понял, щенок?

Он снова сплёвывает, в этот раз мне под ноги. У меня внутри всё вскипает! Ненавижу уличных харкальщиков. Заставить бы его сожрать то, что из себя извергает!

Рука сама взлетает и впиается ему в горло. Я сгибаю его пополам, ещё не успев понять, что делаю. В ушах – его сиплый хрип.

– Вежливости тебя мама не учила что ли? – наклоняю его так, что он чуть ли не касается носом коленей. Красно-белый колпак падает с его головы, открывая короткий ёжик волос.

– Климчик, отпусти его! Что ты делаешь? – Где-то разносится мамин вой, протяжный и гулкий.

Нехотя отпускаю руку, и мужик с трудом выпрямляется. Морщится потирая шею.

– Чего ты сразу-то? – ноет по бабьи.

Чёрт, драки не будет. Обидно...

Не обращая больше на него внимания, сажусь в машину и резко рву с места, чуть не проезжая по ногам недоумевающего бойца.

– Климчик, что ты творишь? Нельзя же так... – щебечет мама. – Он мог тебя ударить!

Крепко сцепляю зубы, чтобы сдержаться и не наорать на неё. А ещё я ненавижу, когда она меня так называет...

– Зачем тебе в магазин? – рычу, чтобы отвлечь её от этой темы.

– Продукты купить...

– Есть всё!

Мама поджимает губы.

– У меня безглютеновая диета...

– Обойдётся!

Обиженный всхлип с соседнего сиденья и я усилием воли заставляю себя проехать мимо следующего магазина. Бля... Это невозможно!

– В прошлый раз от пирога Алины у меня изжога была. – Начинает мать свои жалобы. – Она, конечно, хорошая жена, мать, и всё такое, но признай, Клим, готовить она не умеет...

Меня передёргивает. Если мать сейчас заявится к нам домой с таким настроением, то я не знаю, что будет дальше.

– У всех есть недостатки, я понимаю. Она ещё молодая научится. Это Изабеллу уже не исправить, какая была хамка, такая и осталась.

Она фыркает и обиженно хохлится. Изабелла – это мамина подруга, ради которой она решила к нам не приезжать.

Не только у меня не задалась Новогодняя ночь, у мамы тоже. Она умудрилась разругаться с Изабеллой и в сердцах бросилась искать успокоения в компании родных. В моей, блин!

Я не сказал ей, что произошло. Не представляю, как это сделать.

Опять будут сопли, слёзы и упрёки. Поэтому я решил, что отвезу её домой, она вручит подарок Олежке, о котором мне уже все уши прожужжала, и я отвезу ее в отель, потому что у нас ей будет некомфортно. А потом отправлю домой. Пытался предупредить Алину, но она то не брала трубку, то вообще меня заблокировала.

Остаётся только надеяться, что полчаса Алина выдержит мою маму, не давая ей понять, что у нас всё плохо. Впрочем, мама из тех людей, которые предпочитают диалогам – монологи, поэтому вряд ли у них с Алиной состоится доверительный разговор.

Не лучший план, но я устал, выдохся и уже плохо соображаю.

Но вот то, что мать собралась заезжать в магазин, явно свидетельствует о том, что она собралась к нам всерьёз и надолго.

– Мама, у нас спать негде, мы только переехали, - вымучиваю из себя то, что должен был сказать сразу.

– Это ничего, я много места не займу... Когда-то мы с твоим отцом ютились в крошечной комнате, ты бы знал, как там было тесно. Ещё и ты был такой горластый, ты не представляешь...

– Я тебе номер в отеле забронировал. – Грубо обрываю ее. – Это решено, ты будешь жить там.

– Кем решено? – она снова всхлипывает, в голосе уже звенят слёзы. – Это Алина тебе велела, да?

– Сейчас с Олежкой поздороваешься, и я тебя в гостиницу отвезу, – не ведусь на ее манипуляции.

...И сам сниму там номер, потому что мне нужно поспать и подумать. А потом поговорить с женой.

Может и к лучшему, что мама приехала. Если бы я был один, у меня не было бы ни одного шанса на то, что она меня пустит. Я знаю Алину, если что-то решила, из головы не выбьет никогда!

Останавливаюсь около нашего дома и, не обращая внимания на мамины охи, ахи и вопросы, тащусь к двери. Если бы я так не устал, возможно, я бы волновался.

Но единственное, что мне хочется сейчас, это реально подраться. Чтобы мне кто-нибудь врезал в челюсть с хрустом.

А потом поспать.

Дергаю дверь на себя.

Предупреждающе успеваю крикнуть.

– Доброе утро. Я гостей привёз. Ненадолго...

Автоматически протягиваю руку для рукопожатия подошедшему Олегу, и тут же получаю резкий удар в челюсть. Не удержав равновесие, заваливаюсь назад, но Олег хватает меня за ворот футболки, дергает на себя и бьет кулаком в живот.

Перехватывает дыхание, в глазах темнеет, а он разъярённо встряхивает меня:

– Ты что творишь, зятёк!? – вглядывается в лицо и толкает.

Я очень даже не против, чтобы Олег сейчас сделал из меня отбивную. Отправил в кому, и я бы полежал там лет сто...

Под мамин испуганный визг, который раздаётся за спиной, приваливаюсь к стенке, сипло выдыхая. Вытираю нос тыльной стороной ладони и радостно улыбаюсь, увидев кровавую полосу.

Наконец-то!

17. Пепелище

Это только в фильмах услышав страшные новости, героини бодрыми козочками несутся по ступенькам, постукивая каблучками.

А я тащусь, как улитка, потому что ноги подкашиваются. Хватаюсь за спасительные перила и, выдохнув, смотрю вниз.

Никого.

С трудом, как обессилевший инвалид, спускаюсь вниз. В носу горячо от подступающих слёз. В голове бьётся одна мысль: «С ним что-то случилось!»

Мне сейчас плевать, что я выгляжу, как потерпевшая после пожара, наводнения и ограбления одновременно.

В остром приступе панике хочется прижаться к маме, услышать, что всё будет хорошо. А самое главное, здесь Олег. Попрошу его проехать туда, посмотреть, нет ли аварий по дороге.

Останавливаюсь, услышав тарахтенье, треск и звонкий смех Олежки. Сын метеором влетает в гостиную, на ходу отстреливаясь из огромного жёлтого автомата, переливающегося разноцветными лампочками.

– О, мама, смотри мне дедуся какой автомат подарил... – обнимает меня, мимоходом треснув прикладом по коленям.

– Пиу-пиу... Сдавайся! – Олег выскакивает следом, целясь из электрического чайника, длинный провод волочится за ним, как хвост.

– Всё, перемирие! – объявляю, обнимая сына.

Незаметно прижимаю палец к уголку глаза, чтобы не выкатилась слезинка. Бедный Олежка, играет, и не знает, что с его отец...

– Всё, давай заканчивать! У меня к тому же обойма пустая, – Большой Олег послушно хлопает крышкой чайника и ставит его на стол.

– Чая, я так понимаю, нам сегодня не попить? – в гостиную входит мама.

Олег поднимает руки вверх, сдаваясь под её недовольным прищуром.

– Всё, понял, иду сдавать реквизит.

– Деда, я с тобой!

Снова тарахтенье, блеск лампочек и Олежка уносится следом.

Я устало опадаю на стул. Нужно улыбнуться, поздравить с Новым годом, вручить подарки. Но я не могу.

В отчаянии утыкаюсь в ладони.

– Алина, не убивайся так, – тихо начинает мама. – Поговори с Климом. Может быть всё не так...

– Ты не понимаешь, – поднимаю к ней лицо.

Не хочу плакать, но чувствую, как по щекам текут горячие дорожки. Разговор с Леной меня подкосил.

Я напугана скоростью возмездия, и его неотвратимостью. Можно злиться на живого человека, обещать ему все кары земные, упиваться мыслями о мщении. Но это всё становится бесполезно, когда человека нет.

Предательство близкого – это состояние, когда ты вроде жива, но внутри всё выжжено напалмом. Ходит, говорит и улыбается только твоя оболочка, а внутри – серый пепел.

Смерть предателя – пепелище внутри тебя, но залитое жидким азотом. Боль не уйдет никогда, она заморозится навеки. Потому что недоговорено, недочувствовано, недоневажено.

Когда нет врага, нет и исцеления.

– Мы Олежку заберём, - мама гладит меня по руке, не зная истинной причины моих переживаний, – ты отдохнёшь, Клим явно скоро приедет...

Громко всхлипываю.

– Не приедет, я чувствую. – Утыкаюсь в её плечо.

Мама молчит, глядя меня по волосам. И я благодарна ей за то, что сейчас гладит меня теплыми руками. Чтобы она сейчас не сказала, все это будет казаться глупым и ненужным.

И она это понимает. А я стараюсь отогреться в её объятиях и собраться с духом, чтобы сказать о том, что случилось что-то страшное.

Тарахтенье пластмассового автомата стихает, и по голым лодыжкам веет сквозняком. Кто-то открывает дверь в гостиную, и я поднимаю голову.

Смотрю на вошедшего Большого Олега, вытираю нос ладошкой. Всё, время пришло. Нужно сказать.

– Алька, всё понимаю, но чуть соберись, ладно? - отчим тихо прикрывает за собой дверь.

– Я там Олежку занял немного, он в приставку играет. Ты давай, иди умойся, хорошо? Мы его сейчас заберем, вы тут сами решайте.

Кошусь на маму, она отводит глаза. Ну, естественно, она уже поделилась с супругом нашими разногласиями.

– Олег, - морщусь от вновь подступающих слёз. – Клим не приедет.

– Ещё как приедет.

– Конечно приедет, дочка...

Они произносят это почти одновременно.

– Да замолчите вы все, - сбрасываю с плеча мамину руку. – Я с Ленкой говорила, Клим уехал давно, он ехал сюда... Но не доехал...

Не выдержав, вновь давлюсь рыданиями.

Мама застывает столбом.

– Не пори горячку, - по-своему резко высказывается отчим. – Сейчас всё выясним. Как база называлась?

Под его деловым окриком я невольно собираюсь. Открываю рот, чтобы ответить, и тут на улице слышен шорох шин подъезжающей машины. Олег подходит к окну и слегка отводит занавеску.

– Ну вот, а ты уж море слёз разлила, - произносит с улыбкой. Он еще ничего не сказал, но по его лицу вижу, всё хорошо.

Слышно, как захлопывается дверь машины, шаги на крыльце. Кто-то поворачивает ручку.

Почему женщины такие сложные существа? За одну секунду я испытываю столько эмоций, что хватило бы на целую жизнь. От полного отчаяния к облегчению, и опять к дикой злости.

Олег молча закатывает рукава и подходит к двери. У меня дыхание останавливается. Это Клим?

Да, он!

Клим входит с такой виноватой полуулыбочкой, что мне хочется вцепиться ему в лицо. Разъярённой кошкой расцарапать его породистую физиономию.

Привстаю со стула, вцепляюсь в столешницу побелевшими пальцами, чтобы сдержаться и не устраивать мордобой в присутствии родителей.

Но Олег бьет первым. С противным хлюпающим звуком кулак врежется в скулу Клим, а через секунду второй кулак прилетает ему в живот.

Клим продолжает улыбаться, и даже смеётся. За его спиной слышен дикий визг и у меня внутри всё переворачивается. Будто пол подо мной растворился, и я лечу в бесконечную пустоту, где нет дна.

– Климчик! – бьется истеричный женский крик.
Зажимаю виски руками. Я отлично знаю, кому принадлежит этот голос.
Лучше бы он разбился на машине. Это было бы проще пережить.

18. Не представляю!

В гостиную ураганом врывается Августа Михайловна.

Норковая шапка сползла ей на один глаз – и мне вдруг до дрожи хочется подбить ей и второй.

Кажется, настроение Большого Олега заразно.

Вот же гадина. Приехала после того, как устроила столько сложностей.

Хотя... если быть честной – я ей даже благодарна. Если бы не она, если бы не этот внезапный приезд, возможно, я бы так ни о чём и не узнала.

Жила бы дальше в своей уютной скорлупе: с верными подругами, «чудесным» мужем и иллюзией нормальной жизни. Только мама, будто чувствуя мой боевой настрой, крепко хватает меня за предплечье.

– Вы с ума сошли?! – визжит Августа Михайловна. – Олег, вы что себе позволяете?!

Большой Олег, потирая сбитые костяшки, лениво отходит в сторону.

– С Новым годом, АвгУста, – бурчит он. – Простите, вас мы не ждали.

– Августа! Ударение на первый слог! – Она угрожающе взмахивает сумочкой в сторону Олега и тот морщится, будто ему в зуб воткнули бормашину. – Это не передо мной вы должны извиняться! Что происходит вообще?

– Вы меня знаете, АвгУста, – нарочито неправильно повторяет он, вызывая гримасу у свекрови. – Просто так, по-вашему, я могу ударить человека?

– Я не знаю, что вы можете, – тарыхтит она, пытаясь заглянуть в лицо сына, которое он от неё отворачивает, – но это беспредел! Так не встречают гостей!

Олег подходит к нам, и картина вдруг становится до смешного чёткой. Мы – как два враждующих лагеря.

У двери, с кровавой улыбкой, привалившись к стене, стоит первый поверженный с хлопчущей над ним «санитаркой». С нашей стороны – уверенный в себе победитель и запасные силы.

Только маленький Олежка, предусмотрительно усаженный в детской играть в приставку, остаётся в нейтралитете. Я вдруг вспоминаю, как ворчала на Клима, когда он её купил.

Кто бы мог подумать, что однажды приставка так пригодится?

– За что вы его так?! – свекровь продолжает метаться вокруг Клима.

Тот дёргает рукой, будто отмахивается от мухи, пытаясь её от себя отогнать.

– Пусть сам признается, – холодно бросает Олег. – Если осмелится.

– Не нужно было приезжать... – бормочет Клим и поднимает на мать покрасневшие глаза. – Я глупость сделал.

– ...И не одну! – делаю шаг вперёд. – Пирогов и танцев ждал? Заявился, как ни в чём ни бывало! Ещё и с...

Мама тут же дёргает меня за руку, не давая закончить фразу.

– Августа Михайловна, – неожиданно щебечет она, – пойдёмте к Олежке. Он вас так ждал... так ждал.

Свекровь резко стаскивает с головы меховую шапку, злобно зыркает на моего отчима.

– Иди к Олежке, – сипит Клим.

У него сейчас такой взгляд, что будь я на месте Августы Михайловны, немедленно бы ретировалась.

– Иди. – Повторяет он. – Сейчас.

Свекровь громко и обиженно фыркает.

– Я подарок ему привезла, – цедит она сквозь зубы и настороженно оглядывается на нас, начинает растёгивать пальто.

Большой Олег, как ни в чём ни бывало, подходит и помогает ей снять его.

– Пойдёмте, пойдёмте, – добродушно подталкивает её в спину.

Августа Михайловна вздрагивает от его прикосновения, будто её ударило током.

– Алина ему сейчас раны обработает, – добавляет он почти весело.

– А почему вы не скажете? – вдруг резво интересуется Клим, глядя на Олега воспалёнными глазами.

Я невольно отворачиваюсь.

Он же специально его провоцирует. Олег совсем рядом, сейчас будет ещё один удар.

Но отчим лишь усмехается и, взяв свекровь под руку, настойчиво уводит её подальше.

– Олежка вас так ждал, так ждал... – продолжает миролюбиво. – Вчера весь вечер спрашивал: «Ну когда же бабушка приедет?»

– Да у меня такое случилось... – голос Августы Михайловны постепенно смягчается под его рокоучий баритон. – Вчера никак не получилось. Сейчас расскажу.

– Да, очень интересно...

Мама мышкой шмыгает следом и прикрывает дверь в детскую.

Мы остаёмся.

Из-за стены доносится высокий детский голос – Олежка, наверное, смеётся. Он, конечно, больше привязан к моим родителям. Мама Клим для него – скорее *terra incognita*. Но сегодня праздник, и он ждёт от жизни только хороших сюрпризов.

С лица Клим срывается капля и гулко падает на паркет. Я смотрю на расплывшуюся красную кляксу.

Мы остаёмся одни. И между нами – зияющая дыра, в которую в новогоднюю ночь провалилась вся наша жизнь.

– Ну что... – хрипло усмехается Клим, вытирая губы тыльной стороной ладони. – Не так ты, наверное, представляла этот разговор.

– Я его вообще не представляла! – Отвечаю, скрещивая руки на груди. – И не думала, что он когда-нибудь может произойти.

19. Не кипятись

– Зачем, Клим?

Гипнотизирую красную кляксу на полу, смотреть в лицо Клима я не хочу. Рискнув взглянуть на его лицо, тут же опускаю глаза.

И дело даже не в опухшей скуле или размазанной крови. У него взгляд, который страшнее крика. Тусклые безжизненные глаза, как впадины на лице.

Удивительно, мой муж оказался банальным похотливым кобелём, который решит просрать семью из-за физического мимолетного удовольствия. Но даже с разбитой мордой выглядит, не как виноватый блудный кобель, а как тёмный демон из преисподней.

– Как-то все случилось... - Произносит он с сиплым присвистом. – Просто однажды...

– Избавь меня от подробностей своих походов, – резко его обрываю. – Я о том, зачем ты приехал сюда? Ещё и с ней, – делаю выразительный кивок в сторону комнаты, куда удалилась свекровь. – Тебе мало позора на базе?

– Мама хотела увидеть внука, – пошатнувшись, он отталкивается от стены и делает шаг ко мне. – Наверное, не стоило. Но она имеет право...

Мое самообладание даёт сбой. Я хочу быть стойкой и уверенной в себе, ни словом, ни мимикой не показать, как глубоко он меня ранил. Но эта задача сейчас для меня непосильна.

– Что? – взрываюсь, с трудом удерживая руки сцепленными на груди, так и хочется пустить их в ход. Толкнуть его, поцарапать. – Значит о своей матери ты печёшься! О её душевном комфорте переживаешь! А о моём?

Клим делает шаг ко мне, и я отступаю. Надо же, и суток не прошло, как я висла на нём, целовала и игриво обнимала за талию. А теперь мне кажется, если он дотронется до меня, меня вырвет от отвращения.

– Алина, я не хочу тебя потерять, – протягивает ладонь, и я отворачиваюсь, закрыв глаза и сдерживая приступ тошноты.

– Ты уже меня потерял. В тот момент, когда полез на мою подругу. Неужели из тысяч женщин ты не мог выбрать никого другого?

– Алина, мы должны это перешагнуть и пережить. У нас семья, у нас ребенок. – Он тяжело вздыхает. – Мы не можем потерять всё.

За стеной залихватский смех Олежки, и только это сейчас останавливает меня от желания метнуться на кухню и схватиться за нож.

– Потерять всё? – задрав голову, беззвучно смеюсь в пяточки новеньких встроенных потолочных светильников. Отсмеявшись, поворачиваюсь к нему и продолжаю громким шёпотом. – Нет, Клим, я только приобретаю! Я получу жизнь без лжи и без розовых очков. Я получу чистую голую правду. Пусть неприятную, но зато понятную. И я буду, чёрт возьми, знать, что меня ждёт завтра. И никогда больше я не услышу, мой муж обрюхатил мою подругу. Потому что у меня не будет мужа и подруг!

– Алина, не кипятись, мы можем решить все вопросы.

– Спеленаем Сонечку и увезем на аборт, да? Или она родит, и мы заберем у нее твоего пупсика, а я стану ему мамочкой. Почему нет? это так мило...

Клим сурово сопит, и я догадываюсь, что одно из моих предположений попало прямо в цель. А, может быть, и оба.

– А, ещё есть вариант, третий. Ты забираешь свою чокнутую мамашу, и вы сваливаете отсюда навсегда! Да, и не делай такие глаза. Я считаю твою мать – чокнутой дурой, и наконец-то могу тебе в этом признаться. Видишь, еще один бонус... Пока сплошные плюсы.

– Алина, ты ведь умная женщина. Давай обсудим, – Клим снова рискует протянуть ко мне руку. Не выдержав, подхватываю со столика брошенный свекровью шарфик, и пытаюсь хлестать его.

Легкая газовая ткань мне не помогает в наказании. Скорее, наоборот. Выглядит так, будто я хочу нежно промокнуть ему раны.

– Не смей даже прикасаться ко мне, – отбросив бесполезный шарф хриплю почти на грани истерики. – Если не хочешь уходить, то уйдём мы с Олежкой.

Я борюсь кричать, ведь за спиной родители и сын. А так хочется!

Не выдержав, замахиваюсь на него. Клим, насупившись, перехватывает моё запястье. Глаза всё такие же тёмные, а на щеках перекатываются желваки.

– Ты права, сейчас не время. – Его грудь резко вздымается на вдохе, и в такт этому спазму, он резко отпускает мою руку. – Мы потом поговорим.

– Не собираюсь ничего с тобой обсуждать, – цежу сквозь зубы, а у самой в груди нарастает паника. — Развод, ясно? Только развод...

– Я отец Олежки, а не графа в свидетельстве о рождении, — голос у Клим становится холодным и острым, как лезвие ножа.

– Ты им перестал быть...

– Ты знаешь, что это не так, – Клим хмурится.

– О чём ты думал, когда стругал Олежке братика?

Он молча отворачивается, а меня уже несёт.

– Что нечего сказать?

– Да, – у него раздуваются ноздри. – Нечего. Я не хочу продолжать в таком тоне.

– А какого тона ты от меня ждал? Ласкового и милого? Объятий, может?

– Хватит, Алина, – лицо Клим становится отстраненным. – Я просто хотел увидеть тебя, поговорить.

– Тогда какого черта ты припёрся со своей матерью? Какого чёрта здесь стоишь? Или ждешь, чтобы мы с Олежкой ушли?! Чтобы вы здесь жили-и поживали ты, твоя мамочка и брюхатая Сонечка? – я уже кричу и брызгаю слюной.

В запале я даже не слышу, что звук телевизора из соседней комнаты становится громче. Не замечаю открытой двери. Прихожу в себя только от крика Олежки.

– Папа, папа приехал!

20. Шагу не сделаю!

Олежка с разбега бросается к Климу и обхватывает его ноги. Он такой маленький рядом с ним, такой хрупкий, что сердце сжимается от жалости. Как он будет без отца, к которому так привязан?

Клим обхватывает сына за плечи и бросает на меня мрачный взгляд. Я отворачиваюсь, зажимая рот ладонью, чтобы не вырвался крик.

Почему-то эта сцена остро напоминает мне прошлое: мой младший брат Ромка так же бросался к отцу, радостно обнимал его и не хотел отпускать даже на работу. Но наш отец оказался подонком. Мне, как старшей, было проще это осознать и принять. А Ромка отказывался верить, что его «добрый папочка», который баловал его и разрешал всё на свете, на самом деле – негодяй.

А Олежка... Ему и пяти нет. Кто знает, как отразится на нём всё это в будущем?

Отвернувшись, я душу в себе рвущиеся наружу рыдания. Пока я не знаю, как мы с Олежкой будем жить дальше – мне страшно об этом думать.

Но я точно не смогу простить мужа. Возможно, когда-нибудь мы сможем общаться, как нормальные люди: вежливо кивать при встрече, пересылать друг другу смешные картинки с пожеланиями на Новый год. Но сейчас – слишком больно.

За стеной слышно приглушённое бормотание. Кажется, Большой Олег объясняет све-крови, что сейчас не лучшее время для визитов. Уверена, он её сейчас выпроводит. Господи, что бы мы без него делали!

Мама едва выкарабкалась из истории с моим отцом – живой и невредимой, во многом благодаря Олегу. Но шанс, что мне попадётся такой же мужчина, слишком мал. Такие, как он, – штучный товар.

Самое сложное мне ещё предстоит. Придётся объяснять Олежке, почему папа больше с нами не живёт. Я ни на секунду не сомневаюсь, что именно так и будет. Клим уйдёт. Или уйду я. Под одной крышей мы точно остаться не сможем.

– Алина, – глухо произносит Клим. – У нас общий сын.

Я сдерживаюсь и не поворачиваюсь к нему с обвинениями. Не при ребенке...

К тому же, я не хочу его больше видеть. Не хочу, чтобы в памяти он остался вот таким – со вспухшей скулой, с тяжёлым взглядом, буравящим меня, и при этом так трепетно прижимающим к себе нашего ребёнка.

Пусть уж лучше останется мерзавцем, который разговаривает с Сонечкой на заснеженной веранде!

– Олежка, – говорю я, упрямо глядя в стену. – Папе сейчас нужно уехать. У него на работе проблемы. Но ты не волнуйся...

Голос срывается, и я не договариваю. За спиной – шорох, а потом звонкий детский вопрос:

– Что это?

Опасливо оглядываюсь на Клима через плечо.

Он сидит перед Олежкой на корточках, сравнившись с ним ростом, и сын с удивлением водит пальчиком по разбитой скуле. Невольно морщусь – наверное, больно трогать свежий кровоподтёк. Но на лице Клима – ни одной эмоции.

– Я ударился, сынок. На работе...

– Тебе к врачу нужно?

– Да, прямо сейчас поеду, – Клим бросает на меня быстрый взгляд, и я поспешно отворачиваюсь. – А потом мне снова на работу.

– Там всё поломалось?

Глубокий вздох:

– Да... Там всё поломалось.

– В смысле, мне нужно уехать? – Дверь распаивается под визгливый голос свекрови. Я с раздражением шумно выдыхаю.

Видимо, даже Большому Олегу не под силу усмирить ураган по имени Августа.

Она влетает в коридор и, подхватив чемоданы, тащит их в комнату. Они с грохотом катятся по новенькому ламинату.

– Чего застыл, помоги матери! – фыркает в сторону сына.

Клим даже не поднимается. Зато Олежка радостно бросается помогать бабушке – хотя, наверное, больше мешает.

Мама с Большим Олегом выходят из комнаты и на мой недоумённый взгляд дружно пожимают плечами. Мол, что могли – сделали.

– Я только приехала и хочу время с внуком провести! – свекровь со злостью дёргает чемодан, обдирая колёсами небольшой порожек. – Не собираюсь я в гостиницу!

Мама хлопает в ладоши:

– Кстати, там же ёлка открылась. Эм... С горками.

– Да, с такими горищами! – Большой Олег подлетает к внуку, с трудом отдирает его от ручки чемодана и подбрасывает вверх. – Ты же не боишься?

– Я? – Олежка, привыкший к его кульбитам, сейчас не хохочет, а настороженно вцепляется в его шею. Чувствует напряжение взрослых. – Я не хочу. То есть потом хочу...

– Да не переживай, бандит. Я сам хочу скатиться, но один боюсь. Разочек мне помоги, и обратно вернёмся, а бабушка пока обустроится.

– Да, я пока обустроюсь, – чемодан свекрови всё-таки преодолевает порожок. – Вещи разберу.

– Или в гостинице обустроится, – с нажимом произносит мама. – Ей там будет намного комфортнее.

– Вы гоните меня, что ли? – свекровь с подозрением щурится на меня. – Я вас что, потесню?

Мама снова хлопает, привлекая внимание:

– Так, Алина, где свитер Олежки? Мы поедem горки проверим. А ещё у нас дома мороженое есть...

Олежка недоверчиво переводит взгляд с одного лица на другое, никак не может понять, что происходит.

– Клубничное?

– Да, – с неестественной радостью Олег снова подбрасывает внука. – Конечно, клубничное.

Не давая сыну времени на раздумья, я срываю с крючка его комбинезон и поддёву, бросаю маме. Та, как опытная циркачка, ловит их на лету, а Олег ловко упаковывает внука.

Мы снова дружно сработали втроём.

– Не волнуйся, малыш, скоро мы снова увидимся! – бодро чмокаю ничего не успевающего понять сына в щёку.

Да, возможно, это нечестно. Но я не собираюсь посыпать голову пеплом из-за такого обмана. Лучше сейчас спровадить Олежку подальше, чтобы он не слышал, как я выпроваживаю из нашего дома его бабушку и отца.

– Я же ещё подарки не подарила внуку... – Олежка поворачивается на голос свекрови, а у меня руки чешутся от желания огреть её чем-нибудь.

Клим, растянув губы в улыбке, становится рядом со мной и чмокает сына в другую щёку.

– За меня там тоже мороженого поешь, ладно? Дай пятюню!

Они дружно хлопают друг друга по ладоням – их тайный ритуал мужской дружбы.

Олежка радостно машет нам с Климом рукой на прощание. Мы, дружно улыбаясь, машем ему в ответ – изображаем порядочных родителей.

Дверь захлопывается, и я тут же отшатываюсь от мужа. С облегчением выдыхаю: так, одна проблема решена. Осталась главная.

Перевожу взгляд на свекровь, которая вальяжно раскинулась на диване, прислонив к нему свой драгоценный чемодан с дурацкими розовыми котиками.

– Августа Михайловна, прошу вас пожить в гостинице. У нас возникли проблемы, – начинаю я как можно твёрже.

– Я понимаю, что формально виновата: надо было предупредить заранее. Но почему-то всегда кажется, что родственникам рады, – тянет она, откидываясь на спинку дивана и обмахивая себя ладонью.

– Я вам не рада, – произношу ледяным тоном. – И вашему сыну не рада. Забирайте его и проваливайте куда хотите.

Клим, всё ещё стоящий у двери, сердито цыкает на мать:

– Всё, хватит. Пойдём!

– А ты вместо того, чтобы меня защитить, тоже выпроваживаешь? – бросает сердитый взгляд в сторону сына. – То, что мужчина погулял разочек, не повод для вселенской драмы. Я не собираюсь никуда уходить.

Я молча хлопаю глазами, округлив рот. То есть она в курсе – и драмы не видит. Потрясающая женщина.

Клим подходит и с той же молчаливой яростью хватается за чемоданы, тащит их обратно к двери. Свекровь сжимает губы в тонкую ниточку и демонстративно скрещивает руки на груди.

– Я к внуку вообще-то приехала. И мне его даже не дали увидеть.

– Ах, так вы не переживайте! – наконец прихожу в себя от шока и могу огрызнуться. – У вас скоро будет новый внук.

– Ты беременна? – свекровь высоко вскидывает идеально подведённую бровь.

Я морщусь, будто мне в затылок вбили гвоздь.

– К счастью, нет. Но думаю, у вашего сына для вас есть прекрасная новость. Только, пожалуйста, обсудите её вне стен этого дома.

Свекровь выпрямляется на диване, её взгляд становится колючим.

– Это дом моего сына, – произносит с ледяным достоинством, отчеканивая каждое слово, – и я шагу отсюда не сделаю.

21. Нарушение периметра

Сажусь на свой стул, нервно бросив связку ключей. Она зло брякает о стекло, которым накрыт мой стол. Прижав пальцы к вискам, нервно раскачиваюсь.

Я не выдержала присутствия свекрови и сбежала на работу. Хорошо, что у меня есть ключи. А в праздники никто сюда не зайдёт.

Мне очень нужно остаться одной, а то я не выдержу!

Под стеклом лежит календарь за прошлый год, где я отмечала фломастером важные даты. Взгляд цепляется за 25 ноября и надпись «поменяться на дежурство»

Дата нашей свадьбы! Чёрт, как я ждала, как хотела в этот день остаться с Климом наедине. Заранее отправила Олежку к маме. Пусть пять лет и небольшая дата, но мы так редко оставались одни, а мне хотелось провести вечер, полный романтики.

Мы тогда пошли в ресторан, потом гуляли. И погода была чудесная, и потом ещё пару дней мы наслаждались друг другом.

А Клим уже тогда! Да, явно уже тогда у него были шашни с Сонечкой...

Приподняв стекло, хватаю листочек, пытаюсь выцарапать его из-под прозрачной тюрьмы. В довершение всех бед, ещё и режу палец бумагой. Глупо, мелко – но почему-то именно это добивает.

Я машинально засовываю подушечку пальца в рот, закрываю глаза и начинаю реветь. На губах — металлический привкус крови, внутри — полный раздраз.

В кабинете холодно, я так и сижу в куртке. Директор перед праздниками приказала прикрутить все батареи, чтобы сэкономить. Крутанувшись на простом кожаном стуле, заставляю себя встать.

В ветклинике стоит гробовая тишина, здесь холодно и промозгло – впору снимать фильм ужасов. В тёмном коридоре пугливо оглядываюсь по сторонам, когда ищу дверь подсобки. Я боюсь включать свет везде, не хочу привлекать внимание. Мне влетит, если кто-то узнает, что я здесь.

Долго роюсь в подсобке, и, наконец, вытаскиваю небольшой калорифер. Тащу его обратно в свой кабинет и долго тычу вилкой в розетку, которая прячется под моей тумбочкой.

Эти простые бытовые действия меня отвлекают, и я с наслаждением ловлю те редкие секунды, когда не думаю о свалившемся на меня двойном предательстве.

Чтобы отвлечься, беру пульверизатор и дезинфицирую все поверхности. Механически вожу тряпкой.

Вздрагиваю, когда, поскрипывая, открывается входная дверь. Сердце ёкает и подскакивает к горлу. Вот я дура, нужно было закрыться изнутри!

Кто-то из коллег решил прийти?

Комок тревоги стремительно разрастается под ребрами и превращается в ледяную панику. Шаги в коридоре – чёткие, быстрые, не один человек.

Голос, низкий и отрывистый, рубит тишину где-то у ресепшена:

– Здесь чисто. Двигаемся по коридору.

В горле сплошной спазм, и только пульс бьётся в висках, заглушая всё. Я вжимаюсь в стену за дверью, пальцы судорожно сжимают холодный пластик пульверизатора.

Боже... Ограбление?

Что можно украсть в закрытой ветклинике — одноразовые пелёнки?

Шаги замирают прямо за дверью. Луч фонаря полосует щель под ней. Я задерживаю дыхание, и в этой звенящей тишине раздаётся предательский лязг — я задела ногой провод калорифера.

Тишина в коридоре становится густой, тягучей. Они услышали.

– Готовность!

Дверь резко распахивается, врезаясь в стену. Первое, что я вижу, – ослепительный луч фонаря, бьющий прямо в лицо.

– Руки за голову! На пол! Немедленно! – От громкого рёва сотрясается воздух.

Я не падаю. Я застываю, залитая этим беспощадным светом, и кричу.

Кричу так, что рвёт горло. Весь страх, вся ярость на Клима, на Соньку, на твердолобую свекровь, на эту чёртову жизнь, где я даже в собственном кабинете не могу найти уединения.

Я зажмуриваюсь от света и резко, изо всех сил, жму на распылитель. Струя едкой жидкости шипением вырывается из носика, рассекая луч фонаря.

Раздаётся приглушённое «Блять!», свет дёргается в сторону. На секунду я вижу сморщенное мужское лицо.

– Контроль!

На меня налетает тень. Сильная рука хватается моё запястье, сжимает так, что пальцы сами разжимаются, и пульверизатор с глухим стуком падает на линолеум. Второй захват — за плечо.

Меня грубо разворачивают и укладывают на холодный пол. Щекой чувствую шероховатый холод. На спину, на затылок давит весь вес колена.

– Не двигаться!

Из горла вырывается не крик, а униженный всхлип. По лицу растекается предательская теплота слёз.

И в этот момент, поверх звона в ушах, доносится новый звук. Быстрые торопливые шаги.

– Алина... Алина ты здесь?

Голос обрывается на полуслове. Я не могу поднять голову, но вижу краем глаза — знакомые мужские ботинки.

Над собой я слышу голос того, кто держит меня:

– Вы кто? Не мешайте работе. Отойдите.

– Это моя жена. Что происходит? – голос Клима подрагивает.

– Срабатывание тревоги. Проникновение в помещение без снятия с охраны. Вы знаете эту женщину?

Меня чуть ослабляют хватку, позволяя повернуть голову. Я вижу лицо мужа. Оно белое, как бумага. Глаза вытаращены, смотрят на меня — придавленную к полу в грязной куртке, с растрёпанными волосами, со слезами и соплями на лице.

– Отпустите, немедленно! – он толкает удерживающего меня мужчину в грудь. – Она работает здесь.

Охранник переводит взгляд с него на меня, потом бросает взгляд на коллегу. Давление на затылок ослабевает. Колено убирается со спины.

– Медленно поднимайтесь. Документы!

Клим делает шаг вперёд, его рука нерешительно тянется ко мне, чтобы помочь подняться. Но я уже сама упираюсь липкими от антисептика ладонями в пол и отталкиваюсь. Мне не нужна его помощь.

Я поднимаюсь, пошатываясь, отряхиваю колени. Не смотрю на Клима, смотрю на охранника, который вытирает лицо рукавом. Дрожащими руками лезу в сумку и достаю паспорт.

– Протокол будет составлен. Руководство клиники и ЧОП получают уведомление о ложном вызове. Штраф выпишем, – говорит второй ровно, листая мой документ и фотографируя страницы. – И вам, гражданка, повезло. В другой раз можем не так мягко сработать. Понятно?

Я киваю. В ушах звенит. Понятно. Всё понятно.

Жила по инерции. Не проверяла, не уточняла, не задавала лишних вопросов. Жаль, что свою жизнь нельзя доверить ЧОПу, чтобы в неё не зашел никто без разрешения.

– Давайте глаза обработаю, – глотаю воздух, – вашему напарнику.

Тот лишь разочарованно машет в мою сторону рукой и сипит.

– Пойдём, Семен.

Бегу за ними в коридор и кричу вслед.

– Простите.

– И вы нас, - бросает один из них через плечо.

Медленно разворачиваюсь к мужу, он с кривой жалостливой улыбкой смотрит на меня.

– Надеюсь, ты приперся сюда, чтобы сказать, что твоя мамаша наконец освободила помещение?

Он моргает, явно не ожидая такого наезда.

– Алина... ты в порядке? Я...

– Не начинай, – перебиваю я. – Просто ответь. Она ушла?

22. Торг

– Не начинай, – перебиваю я. – Просто ответь. Она ушла?

Клим со свистом выдыхает воздух. Зло плюхается в кресло, в котором незадолго до этого сидела я. Оттолкнувшись ногой, делает круг.

– Надеюсь, я могу вернуться домой? – С нажимом перефразирую свой вопрос.

Клим толкается другой ногой и разворачивается в обратном направлении.

– Ясно, – дергаю молнию куртки. – Мне всё с тобой предельно ясно! Я еду к родителям...

– Стой! – Он вскакивает так резко, что кресло откатывается и бьётся о стену. Хватает меня за руку выше локтя. – Алина, послушай меня!

– Давай же, говори! – разъярённой кошкой шиплю ему в лицо. – Рассказывай, как ты запал на мою подругу. На нашей свадьбе ты уже на неё заглядывался? Или ещё раньше, когда мы втроём сидели на кухне, а я, дура, варила вам кофе?

После унижительного лежания на полу мне уже ничего не страшно. Адреналин до сих пор пульсирует в висках тяжёлой, горячей волной.

Я на самом дне, и теперь могу только оттолкнуться и всплывать. Или захлебнуться.

Сейчас я жалею только о том, что не вытащила свекровь за начёсанный пучок из дома. Что не спустила её пинками с лестницы и не расколотила её чемодан с розовыми котятками о батарею!

А ещё под агрессией и злостью, копошится нездоровое женское упоение тем, что он тут. Что стоит передо мной и не отпускает мою руку. Как верный... нет, как провинившийся пёс.

– Алина, мы должны вернуться домой. Вместе!

– Ты не хочешь говорить о Соне? – продолжаю, будто не слышу его слов. – Тогда давай обсудим технические детали нашего развода.

– Повторяю, я против развода, – он выпускает слова, словно забивает гвозди. Смотрит на меня холодным, стальным взглядом, в котором нет ни мольбы, только упрямая решимость.

Слышу тихую вибрацию, что доносится из кармана куртки Клим. Он удерживает меня за руку, не отвечая на звонок. Но в глазах мелькает тень раздражения. Или нетерпения?

– Тебе звонят.

– Я знаю.

– Ответь. Вдруг что-то важное, – ядовито хмыкаю, – Сонечка или мамочка. Кто из них тебе ближе?

– Никто.

– Не стесняйся, милый, разговаривай, — я нерываю зрительного контакта с бледным от ярости Климом. – Не обращай внимания на жену. Главное, чтобы тебя всё устраивало.

– Мы сейчас вернёмся вместе, – его голос вдруг срывается на хрипотцу, и он сжимает рукав куртки ещё крепче. – Скажем моей матери, что мы помирились, а потом я увезу её в гостиницу.

– Ах, вот как? – с губ срывается истеричный, надломленный смешок. – То есть сейчас идёт торг, да? Тебя устроит видимость мира? Или нужна моя безоговорочная капитуляция? Мне ещё прощения у тебя попросить?

Клим поднимает на меня тяжёлый взгляд. В нём теперь не только сталь, но и усталость.

Телефон снова начинает вибрировать. Это настойчивое жужжание сводит меня с ума, вонзается прямо в мозг.

– Да ответь ты, наконец!

Он, наконец, отпускает меня и достаёт смартфон. Молча скользит взглядом по экрану и сбрасывает вызов.

– Сонечка, да? – сглатываю горький комок отвращения. – Я думаю, она тебя ждёт.

– Я тебя не оставляю, – отвечает он с явной угрозой. – Мы вернёмся домой и будем жить, как прежде. Всё остальное я решу.

– Да? – смеюсь на грани истерики. – Ты ведь вроде умный мужик, Клим, а сейчас ведёшь себя, как конченный идиот. То есть я должна улыбаться твоей мамочке, а потом улыбаться твоей любовнице, и делиться с ней секретиками. У нас же теперь столько общего! Мы станем с подружкой ещё ближе! Ты, мать твою, нормальный? Кстати, Сонечка в курсе, что к идеальному мужику, о котором она грезит с юных лет, прилагается долбанутая мамаша? Беги, обрадуй ее.

На секунду в глазах темнеет, и я резко отворачиваюсь от Клим, чтобы он не увидел, как у меня дрожит подбородок.

– Я не боюсь развода. Не я первая, не я последняя, – произношу тише, пережидая, пока меня отпустит внутренний спазм боли. – Мы взрослые люди, и должны нести ответственность за наши поступки. И нам нечего спасать в нашем браке.

– Наша связь была... — он начинает и обрывает.

– Случайной? – оборачиваюсь, ловлю его взгляд. – Не продолжай.

Он сжимает переносицу большим и указательным пальцам.

– Я не люблю ее, Алина, — хрипло отзывается он. – И не хотел...

– Все это неважно!

Мы тяжело дышим, смотрим друг на друга, как два боксёра в нокауте, которые не падают только потому, что повисли на ограждении ринга.

Теперь телефон вибрирует у меня, и я вздрагиваю всем телом от неожиданности. У Клим подёргивается бровь.

Не прерывая зрительный контакт, достаю из внутреннего кармана куртки телефон. Не глядя, принимаю вызов. Мне, в отличие от Клим, нечего скрывать. Пару минут слушаю сбивчивый взволнованный голос на другом конце.

– Согрейте щенка, бутылку с тёплой водой оберните пеленкой, – чеканю медленно, будто отмирая. – Мать не подпускайте... Загрызёт. Скоро буду.

Нажав кнопку отбоя, еще пару секунд стою, переваривая услышанное.

А потом, качнувшись, резко разворачиваюсь и почти бегу к стеллажу с образцами кормов. Дёргаю стеклянную дверцу – на замке. Ключ... Ключ где? В панике не могу вспомнить. Не думая, хватаю стоящий рядом табурет и бью ножкой по стеклу. Звон, брызги осколков.

Хватаю с полки пачку сухого заменителя молока. Дёргаю ящик стола, вытряхиваю оттуда шприцы, соски, всё это сгребаю в свою сумку. Со стола хватаю ключи от клиники. Иду к выходу.

Мне плевать, что будет. Мне и так светит штраф за несанкционированный вход на работу и, скорее всего, увольнение. Подумаешь, разбитая витрина.

Оборачиваюсь к Климу, который так и стоит, глядя на меня.

– Выходи, нужно закрыть дверь. Хотя... Как хочешь! – равнодушно машу рукой в его сторону.

– Стой, ты куда? – Клим догоняет меня у входа.

– Не твоё дело.

– Я подвезу...

– Нет, я сама справлюсь, – громыхаю ключами, втыкая их в замочную скважину.

– Я не пущу тебя, уже поздно.

Молчу, пока опускаю защитную решетку. Она лязгает с противным скрежетом.

Повернувшись к Климу, который стоит в вопросительном ожидании, машу раскрытыми ладонями перед его лицом, как перед слепым.

– Ты не можешь мне приказывать. Ты мне уже никто! Ау! Очнись!

Пытаясь обойти его, ухаю по щиколотку в сугроб, по ногам поднимается озноб. Клим хватается за куртку и дёргает на себя.

– Мужчина, заканчивайте хватать меня! – Верещу, теряя равновесие, но он успевает меня подхватить под мышки. Встряхнув, ставит перед собой, удерживая за плечи.

– Нет, – глухо рычит он, вглядываясь в мои глаза. – Не позволю...

– О-о-о... — издевательски тяну, замирая. – Я же забыла. Ты у нас любишь торговаться? Ладно. Я разрешаю тебе меня довести. Но... – делаю паузу, давая словам впитаться, как яду. – Но ты прямо сейчас решаешь вопрос с Августой. Ясно? Звони ей! Говори, что она едет в гостиницу. Сию! Минуту! Или я вызываю такси и исчезаю навсегда.

23. Про ответственность

– Сергей, ближайшие сутки всё решат. – Плотнее укутываю щенка одеяльцем и поднимаю глаза на хозяина Лесси. – Это не значит, что вы положите малыша и будете ждать. Это режим и ответственность.

– Но как же... – Сергей в недоумении пожимает плечами.

Могу понять его растерянность. У Сергея, который оказался спортсменом-биатлонистом, жизнь за последние сутки тоже сильно изменилась.

Еще недавно он был счастливым хозяином породистой красавицы, а теперь – «отец» трёх щенков, от одного из которых капризная молодая мать отказалась.

– Режим тебе сказали! Что здесь сложного? – Вступает Клим, который до сих пор скромно отирался у стены, и я недовольно кошусь на него.

– Тебе практику не засчитают, если будешь хамить! Что здесь сложного? – парирует Сергей. Явно мужские перепалки ему привычнее, чем уход за новорожденными щенками.

Невольно фыркаю, поправляя тёплую грелку, уложенную в коробку. Когда мы приехали, я представила Клима студентом–практикантом, и тот не решился возражать безобидной лжи. Решил, что может подставить меня, если это срочный вызов. А теперь, на тебе! Отогрелся, как и щенок.

В дороге мы не разговаривали, я по телефону давала указания хозяину Лесси, что готовить к моему приезду, а Клим решал вопросы с моей свекровью. Так что пришлось импровизировать на ходу.

– В общем так, – продолжаю, стараясь не обращать внимания на то, как почти осязаемо по комнате струится ненависть между мужчинами, – сейчас я щенка покормила. Сергей, через три часа, повторите процедуру. Только аккуратно, пасть у малыша нежная, зубов ещё нет... Сергей, через три часа! Малышей будит мама, но сейчас вы за неё.

– Зачем ему столько раз одно и то же объяснять! – зло встречает Клим. – Или у спортсменов лыжи в мозгах застревают?

– Я, смотрю, тебе за твою дерзость кто-то морду уже разукрасил. Добавить, может? – в ответ ярится Сергей.

За моей спиной шум, шорох и возня. Кажется, практически незнакомый мне мужчина пытается преподать урок вежливости Климу, у которого вышибло предохранители, отвечающие за инстинкт самосохранения.

Как бы мне ни хотелось, чтобы Климу подбили второй глаз, поднимаюсь и деловито отряхиваю коленки.

С театральным вздохом оглядываюсь на мужчин. Только картина складывается не совсем так, как я представляла.

Клим, схватив Сергея за грудки, прижимает того к стене. А тот не сопротивляется, лишь тяжело и злобно дышит, раздувая ноздри.

Наверное, сдерживается из-за присутствия руководителя практики. То есть меня.

– Волков, что вы делаете? – Возмущённо рывкаю. – О вашем поведении я доложу в деканат!

– А мне пох...! – Цедит Клим, даже не поворачиваясь в мою сторону, но отпускает хозяина.

– Ну и студенты пошли, – хрипит Сергей, ладонями брезгливо проводит по плечам, будто стряхивает невидимые отпечатки Клима. – В каждом классе на второй год оставался что ль?

– Зато тебя только из ружья стрелять научили?

Чувствую, что опять назревает стычка, и выхожу вперед, разводя руками, как рефери.

– Сергей, простите, пожалуйста. – Бросаю на Клима такой взгляд, что будь он более чувствительным, сгорел бы от стыда. – Волков очень своенравный. Отчислят скоро...

Клим очерчивает зубы в злобешней улыбке. Сергей отшатывается, будто тот может его укусить.

– Не обращайтесь внимания. – Увлекаю хозяина в сторону от Клима, который с хрустом разминает кулаки, продолжая буравить нас взглядом. Шёпотом продолжаю Сергею втолковывать основы. – Сейчас главное, здоровье малыша. Соблюдайте режим и обязательно тепло. Холодный щенок не ест и не выживает.

– Но... – Сергей вновь разочарованно пожимает плечами. – У меня тренировки, соревнования. Алина, вы же в ветклинике работаете...

– Я бы могла помочь, – сразу понимаю его намёк. – Но у меня на работе сейчас проблемы.

– Из-за него?

Сергей делает многозначительный кивок в сторону Клима, и я смущённо кусаю губы.

– Не совсем... Нет, там другое. Это не важно. Главное, что сейчас я не смогу щенка в клинику забрать.

Сергей задумчиво чешет голову:

– Кубок губернатора через неделю. Куда я этот выводок дену? Особенно этого, убогого?

Мне не нравится, что он так говорит о черном щенке, который вовсе не виноват в том, что родился таким. Но есть ещё шанс, что хозяин Лесси возьмет ответственность за то, что не уследил за своей собакой.

– Понимаю, – сочувственно вздыхаю, – но малыш живой, и он уже родился.

Сергей доверительно склоняется к моему уху:

– Алина, вы не подумайте... Но, если сама природа от него отказалась. Может быть, усыпить? Чтобы не страдал. Жалко же.

Отшатываюсь и обескуражено моргаю, глядя ему в глаза.

– Я оплачу, не волнуйтесь! – он, видимо, понимает мой испуг по-другому, – и похороны или что там положено им? Он всё равно не выживет. Я свой-то режим с трудом тяну, а тут ещё и это.

– Слышь ты, малохолный, – снова встречается Клим. – Стерилизовать надо было суку свою, если не можешь за потомством её ухаживать.

– А вы правы, студент Волков, – радостно улыбаюсь. – Вот прямо на все сто! Единственные умные слова, что я от вас слышала.

– Не, ну я же не отказываюсь, – недоумённо бормочет Сергей. – Просто я не умею, и не уверен.

– Тебе показывали только что, – Клим опускается на корточки перед щенком и трясёт упаковкой молока. – Разводишь по инструкции, тёплой водой. Набираешь в шприц, – ловко демонстрирует на остатках молока, как это делать, и деловито подняв, трясёт жидкость, чтобы она чётко встала по делениям. – Мальца будишь через три часа и вливаешь. Не это, конечно, это вылей. Свежее сделай. И про тепло не забывай, грелку обновляй. Кормить по капле, щенок лежит на животе. Если захлёбывается — значит, слишком быстро. Потом нежная стимуляция, сам он в туалет не сходит.

Слушаю эту браваду, скептически скрестив руки на груди.

– Почти правильно, Волков. Только ответственность – это не только нежная стимуляция. Потом плод вашей безответственности сгрызет любимые ботинки, залет мочой белый коврик и навалит кучу в самом неподходящем месте, чтобы ты метался в поисках источника запаха. А ещё будет требовать игр, когда ты приходишь с работы, выть по ночам ночь, и жрать всё твоё время, как пылесос. А ещё просто жрать! И я не говорю про корма, игрушки, манежи и лекарства, которые стоят очень дорого! И за это все эти радости его нужно попытаться не убить! Мало того, его нужно любить.

– Любить можно щенков только от любимой, – произносит Клим, глядя мне в глаза. Сглатывает и продолжает. – От любимой женщины.

– Нет, он ваш. Поэтому любите его таким, какой он есть.

Сергей переводит взгляд то на меня, то на Клима. Кажется, мысленно примеряет на нас смиренные рубашки.

– Я люблю Лесси, – встревает он. – Только как бы не готов нести ответственность.

– Вот, Волков. Принимайте в свои ряды ещё одного безответственного!

– С чего это, в свои ряды? – бормочет Клим. Наклоняется и поднимает одеялко вместе с щенком. – Я ответственный. И я его выращу!

Одеяло прижато к груди, а он смотрит на меня яростно. Брови застыли в крутом изломе, нижняя челюсть упрямо выдвинута вперед.

– Да-да, всех вырасти! Никого не забудь. – Серdito наставляю на Клима палец.

– Нет, всех не надо, я им хозяев нашёл уже, – в недоумении тянет Сергей. – Они на маму похожи.

А у меня кровь шумит в ушах. Дыхание сбивается: воздуха много, но он не насыщает, приходится втягивать его жадно, короткими глотками.

Ну что Клим за человек-то такой! Договорились же, спокойно отвозит, Августу выгоняет. Ну почему опять на ровном месте выяснение отношений?

– Ваш, надеюсь, на маму не похож будет, Волков!? – Со злостью выплёвываю слова.

– Так нет, он же чёрный... – Сергей, будто боясь, что ошибся, подходит к Климу и приоткрывает краешек одеяла. С облегчением вздыхает. – Нет, не похож.

– Такси мне вызовите! – бросаю Сергею, который смотрит на меня, как на чокнутую. – Хозяин вашему ненужному щеночку нашёлся, а я сама доберусь.

– Я отвезу, – бросается Клим за мной, но из одеяла доносится еле слышный писк, и он останавливается. С тревогой поглядывает на свои руки, будто сам не понимает, как решился на такое.

Мельком бросаю на него взгляд через плечо и ухмыляюсь. Мне эта картина вовсе не кажется трогательной. Так и вижу Клима, который с таким же удивлённым лицом смотрит на конверт с младенцем, который Сонечка вручает ему около роддома.

– Нет, Волков. Вы теперь счастливый «отец». – Подхватываю свою куртку. – И впереди у вас много прекрасных дней и упоительных ночей. Вам стоит поберечь свои нервы. Рядом со мной это сделать будет невозможно. Жилплощадь уже свободна, я надеюсь?

– Ничо не понял... – Сергей почёсывает лоб и тычет пальцем в приложение такси.

24. Стойкий солдатик

Отец, размахнувшись, бьет маму по щеке, и она с гортанным всхлипом, рвущимся откуда-то изнутри, оседает на пол.

– Нет, папа! Не надо! – медведь, которого я прижимаю к себе, под своим весом медленно опускается на пол.

У меня слишком слабые руки.

– Ты что здесь делаешь? – Отец поворачивается ко мне, сверлит тёмным пронизывающим взглядом.

Я съеживаюсь. Хочу стать меньше медведя, превратиться в таракана и уползти под плинтус.

– Быстро к себе! – Цедит он. – Чтобы я тебя здесь не видел!

– Мама... – лепечу еле слышно. Я хочу к ней подойти, но ноги будто налились свинцом, не могу сделать ни шага.

– Все в порядке милая, я упала. Сама виновата. Папа сейчас принесёт мне лёд. – бормочет она, не поворачиваясь.

– Я кому сказал! – Повышает голос отец.

И я, взвизгнув, бегу к себе в комнату, путаясь в лохматых лапах медведя, которого волоку за собой.

За спиной тяжёлые шаги. Нужно только добежать и захлопнуть дверь. Тогда он меня не тронет.

Не тронет!

Бух-бух-бух!.. Его кулак бьёт в дверь моей комнаты.

Вскакиваю, резко сажусь на кровати и прижимаю к животу подушку. Утыкаюсь в неё мокрым лицом и мерно раскачиваюсь, чтобы успокоиться.

Сердце колотится в груди так, будто торопится выскочить. Пижама прилипла к спине.

Опять этот страшный сон!

Сколько раз я просыпалась от него, и скулила, уткнувшись Климу в плечо. А он обнимал меня, и бормотал что-то успокаивающее, пока я не затихала. А теперь я одна и очень жалею, что отпустила Олежку с мамой.

Сейчас бы уйти в детскую и прижаться к тёплому бочку сына...

Чтобы не сойти с ума, бреду на кухню. Шлепаю босыми ногами по холодному кафелю, зажигаю свет и включаю чайник. Кухня сразу наполняется уютным бормотанием закипающей воды.

Покосившись на тёмное окно, раздёргиваю шторы. Опять метель...

Я убежала из сна, но очутилась в ещё более безжалостной реальности. Где меня некому успокоить. И проснуться мне не удастся.

Трогаю свои щёки и с удивлением рассматриваю мокрые пальцы. Вроде проснулась, даже чай собралась пить, а все равно плачу.

Почему-то вспоминается несчастный щенок. Тоже скулит сейчас, наверное, от страха и одиночества.

Я не жертва в классическом смысле. Отец никогда меня пальцем меня не трогал. Но увиденная в детстве сцена въелась под кожу ощущением полного бессилия.

Наверное, поэтому я и стала ветеринаром. Животные не притворяются. Они просто боятся и болеют. Им можно помочь. В отличие от людей.

Отца больше нет в моей жизни, я отрезала его, как гнилую ветку. Я не знаю, откуда взялись силы у моей мамы, чтобы простить и отпустить прошлое. Но у меня их нет.

Мерзавцы неисправимы. Я в этом уверена! Они могут раскаиваться, но только для того, чтобы их снова подпустили близко для нанесения нового удара.

И моя мама ведь не дура, она не выходила замуж за дикого кочевника. Явно, мой отец казался ей умным, веселым, обаятельным. Но она не подозревала, что прекрасный принц в гневе становится ужасным орком.

Синяки проходят, переломы заживают. Но душевные раны, которые наносят близкие, остаются навсегда.

Мама ошиблась с выбором спутника, и я повторила её путь! Клим не трогал меня пальцем, как и отец. Но они оба перемололи мне душу в фарш. Сначала один, потом – другой.

Мне ужасно хочется узнать, как поживает щенок, от которого отказалась мать. Но я скорее умру, чем спрошу об этом Клим.

Телефон на тумбочке оживает сообщением, и я бросаюсь к мобильному. Нет, это не новости о щенке. Всего лишь Ленка спрашивает, как у меня дела.

Внутри всё еще беспокойно после дурацкого сна, и я решаюсь набрать её, хоть и час поздний. Мне нужен сейчас кто-то живой и понимающий.

Я до сих пор не знаю, как относиться к подруге. Но сейчас, когда я одна в огромном доме, я буду рада любому человеческому голосу.

– Привет, Лена, – говорю почему-то шёпотом, хотя будить мне сейчас некого.

– Как ты, Алька? – в голосе Ленки мне чувствуется настороженность.

– Нормально, очень даже.

Молчание. Потом вздох.

– С Климом что? – Она лезет в самое болезненное.

– При чём тут он, – огрызаюсь. Голос срывается, и я беру себя в руки. – Лучше про свекровь спроси. Августа-то приехала.

– Августа приехала всё-таки! Вот падла, а? – заводится Ленка с пол оборота. – Как только совести хватило, ты посмотри, а!

– Ударение, Лена, на первый слог, – передразниваю я барский тон свекрови. – Август.

Она смеётся. На фоне шуршит фольга. У Ленки на душе, кажется, становится легче. Мы дружим давно, она уже поняла: раз перешли на свекровь, значит, с Климом всё то же – ни хуже, ни лучше.

– Хочешь, я приеду? – спрашивает она, с набитым ртом. – Ой, прости. Свекровь же...

– Нет, я её выжила, – улыбаюсь.

– Ну ты даёшь!

Я не знаю, что сказал Клим матери. Но, когда я вернулась, её уже не было. Только в воздухе витал еле заметный запах кофе и кухонный стол был засыпан крошками от печенья.

– А ты ела что-нибудь сегодня? Вернее, вчера? — Ленка переходит на практические рельсы. Это её способ заботы.

– Чай собираюсь.

– Алина... Ладно. Слушай, может, всё-таки заеду? Куплю твой жуткий селедочный паштет, который только ты ешь, включим какой-нибудь ужастик...

– И будем кричать от страха вместо того, чтобы молча реветь? – вырывается у меня с горьковатой усмешкой.

– Ну, ты поняла идею. Ты не одна, я тут.

Её слова, как тёплый плед.

Говори, Лена! Хоть что-нибудь... Может ты и предательница, а я не умею прощать так же легко, как мама, но мне сейчас важно слышать чей-то голос.

– Спасибо, Лен. Всё отлично. Ты же знаешь, что я стойкий оловянный солдатик. Просто расскажи, как день прошёл. Виталик отошёл от похмелья?

Она что-то рассказывает, и я опять на несколько минут становлюсь прежней Алиной, пытаюсь улыбаться и даже смеюсь. Слушаю её и смотрю в окно.

Главное, пережить эту ночь, когда я одна. А потом... А потом я справлюсь.

– Ладно, спи, солдатик, – наконец, вздыхает Ленка. – Ой, кстати... Я не знала, говорить тебе или нет...

Я замираю в ожидании, но молчу.

– В общем, – мнётся Ленка, – мне тут Соня звонила.

– Угу...

– Она не знает, как с тобой помириться.

25. Хочу видеть её глаза

– По адресу Шолохова, дом восемь, пожалуйста, – хлопаю дверью желтого опеля.

Водитель бросает на меня заинтересованный взгляд в зеркало заднего вида.

– Не холодно в таком виде ехать? – шутливо подмигивает.

Я плотнее запахиваю на груди куртку, пряча розовую пижаму.

– Не успею замерзнуть.

– Забавные сегодня пассажиры у меня, – водитель мягко трогается с места. – Вот до вас девушку вёз в коротком платье. Я думал, что она того... Работает. Ну этой... Ночной бабочкой. Даже спросил о ценах. А она говорит, что на свидание. Это на свидание сейчас в таком виде ходят, да?

– Я не на свидание, – мечу через отражение в зеркале ненавидящий взгляд, – я к подруге, ясно?

Да, я еду к Соне. Я устала метаться по дому в одиночестве. Сбросила Соне короткое сообщение, и она ответила, что не спит.

Боясь растерять последнюю решимость, я тут же вызвала такси. Как была в пижаме, так и вышла из дома.

Соня пытается со мной помириться! Это как вообще? Они с Климом оба слетели с катушек? Хотят жить дружной шведской семьей или собираются подбрасывать мне своего ребёнка на выходные? От Августы Михайловны помощи ведь не дождёшься, а родители Сони живут далеко.

– Ой, подруги эти. – Таксист усмехается, и в его голосе сквозит житейское понимание. Вроде, ага, знаем мы, к кому так ночами мотаются. – Подруге и позвонить можно.

– Нельзя. Я хочу видеть её глаза.

Таксист понимающе хмыкает и я в молчании рассматриваю, как проносятся мимо редкие фонари.

Ленка просила выслушать Соню. Просто поговорить с ней!

Но это Ленка, она всегда за всех переживает. А хочу ли я знать подробности связи с Климом?

Перед глазами встаёт отчаянный жест Сони, когда она закрывала лицо, поняв, что мне всё известно. Неужели, ей стыдно?

Вполне может быть. Из нас троих Соня была самой младшей и неприспособленной к жизни. Меняла работы, мужчин и жилье. Нигде не могла задержаться надолго. Мне кажется, мы с Ленкой взяли над ней негласную опеку.

Я не могу представить Соню в образе коварной хищницы в красном белье. Почему-то в моём сознании она всегда бледная и растерянная.

Она всегда такой и была.

Когда-то мы с Ленкой собирали первый взнос за аренду её «студийки», потому что родители отрезали финансирование. Однажды она жаловалась на ледяные батареи, и Клим... да, именно Клим!.. поехал разбираться.

А мы хихикали тогда. Над нашей маленькой, беспомощной Сонечкой, которая боялась даже сантехника вызвать. Кстати, Соня тоже смеялась.

Она всего неделю назад сидела на моей кухне и рыдала, потому что перевела всю зарплату телефонным мошенникам.

– Кого тут у вас... зима-то, — бормочет таксист, высматривая дорогу в снежной круговерти.

Мне легче представить Клина в роли коварного соблазнителя. Соне нет прощения, потому что она предала меня, но ответственность, в первую очередь, лежит на нём!

Сжимаю руки в кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони.

– Здесь налево поверните, – говорю в пространство, – так быстрее будет.

– Куда все торопятся-то – беззлобно бормочет водитель. – По мне, лучше по надёжной, хоть и длинной дороге ехать.

Да, я тороплюсь. Я хочу скорее снять этот груз со своей души. Освободиться и очертить границы.

Я намерена сказать Соне, что отпускаю Клим. И всё!

Бегать от любовницы мужа – это слабость и трусость. Не собираюсь стыдливо отводить глаза, когда до меня будут доходить новости о Соне и её ребенке.

Меня злит, что даже при благоприятных обстоятельствах мне придется ждать три месяца до того момента, как Клим перестанет быть моим мужем. Это долго. Слишком долго.

Зато с Соней я могу разобраться сразу. Нужно вырвать гнилой зуб прямо сейчас, и больше не мучиться от боли.

– Давайте прямо к подъезду подвезу, – говорит таксист. – Чтоб не замерзли.

– Спасибо. Мне к шестому, пожалуйста, – глухо откликаюсь.

Выхожу из машины. Шелковые пижамные брюки тут же облепляют ноги.

– Оценку повыше мне в приложении поставьте, – таксист кивает мне в приоткрытое окошко.

Натянуто улыбаюсь и поднимаю плечи, чтобы прикрыть уши от ветра.

Натянув рукава на ладони, тяну на себя тяжёлую металлическую дверь подъезда. В мороз у Сони всегда доводчик и домофон всегда не работают, это я тоже знаю.

Наверное, ей больно. Клим не в восторге от её сюрприза, подруги отвернулись. И у неё никого нет!

Торопливо бегу на третий этаж и после короткого стука привычно толкаю дверь квартиры.

Соня и на ночь часто забывает дверь закрыть.

Захожу в полутёмный коридор, вдыхаю знакомый запах, и сердце на секунду попадает в капкан ностальгии.

Нет, я её не буду прощать. Просто поговорю.

Делаю пару шагов и запинаюсь, ошарашен от увиденного.

Я замираю на пороге комнаты. И будто не сразу понимаю, что я вижу.

А потом понимаю.

И в голове поднимается какой-то гул, будто меня контузило.

Одинокая беспомощная Сонечка, которую я только что имела несчастье пожалеть, вполне неплохо себя чувствует. Ага... В объятиях моего мужа.

А он нежно прижимает её к себе. И даже не замечает, что я вошла.

– Как же так... – хриплый шепот дерет мое горло крупной наждачкой до крови. – Ты же знала, что я приеду...

26. Достало!

Клим

Мрачно смотрю на мини-бар в гостиничном номере. Очень хочется им воспользоваться, но тогда мне придётся остаться здесь.

А это невозможно!

– ...Нельзя позволять собой помыкать, я сто раз тебе говорила! А эта твоя Алина... она тебя не понимает. Она всегда тянула одеяло на себя...

В сознание врывается визгливый голос матери. Устало тру лоб ладонью. Я бля с ума скоро сойду!

Ещё и щенок этот грёбанный. На хера я его взял?

Смотрю на часы. Его же кормить скоро.

– Всё, ты устроилась? Я пошёл, - подхватываю своё пальто, которое лежит прямо на розовом чемодане, и перешагиваю через него.

Как же задрало всё!

– Здесь хотя бы ресторан есть с вегетарианской кухней? Я тебе не говорила, что перестала есть пищу, содержащую холестерин? – Она семенит за мной, и придерживает меня за локоть. – Я не смогу тебя поддерживать, если буду себя плохо чувствовать. Я же всегда на твоей стороне, ты же знаешь!

– Меня не надо поддерживать, поняла? – Резко развернувшись, рявкаю ей в лицо и её подбородок тут же опасно подрагивает. Сейчас меня смоем лавной слёз, но это я переживу. –

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.